

ЭПИСТОЛЯРИЯ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЕ БЕСЕДЫ: ПИСЬМА Г. В. АДАМОВИЧА А. В. БАХРАХУ

О. Р. Демидова
(С.-Петербург)

Отложившийся в собрании Александра Бахраха корпус писем Георгия Адамовича¹ составляет часть его обширного эпистолярного наследия 1940-х – начала 1970-х гг., тематически во многом перекликаясь с письмами Адамовича к И. А. и В. Н. Буниным², А. С. Гингеру и А. С. Присмановой, З. Н. Гиппиус³, Г. В. Иванову и И. В. Одоевцевой⁴, С. Ю. Прегель⁵,

---

¹ The Bakhmeteff Archive of Russian and East-European History and Culture (BAR), Columbia University, New York (далее – BAR). Coll. Bacherac. Box 1. Folders 1–16. Adamovich, без нумерации листов (далее письма цитируются по сверенной с оригиналами электронной копии с сохранением особенностей авторской орфографии и пунктуации и с указанием даты в тексте).

Общее число писем 176, часть из них не датированы; хронологические рамки эпистолярного корпуса – 1940–1972 гг., география – Париж, Ницца, Лондон, Манчестер, Нью-Йорк; пик переписки приходится на 1940-е – 1950-е гг.

63 письма 1940–1953 гг. с ошибками в прочтении, купюрами и пропусками опубликованы в: Крейд и Крейд 1999а: 98–146; Крейд и Крейд 1999б: 41–82; кроме того, одно письмо от 15 марта 1965 г. опубликовано В. Крейдом в подборке писем Адамовича из архивного собрания С. Прегель и В. Руднева Иллинойского университета (см.: Крейд 1994: 316–317, с ошибочным указанием А. С. Гингера как адресата и с обращением в начале письма: «Дорогой Александр Васильевич!»). Письма после 1953 и до 1972 гг. опубликованы В. Крейд в «Новом журнале» (см.: Крейд 2001а: 70–98; Крейд 2001б: 148–185; Крейд 2002: 151–191; Крейд 2003: 130–155).

² Переписку Адамовича с Буниными 1926–1961 гг. см.: Коростелев, Дэвис 2004: 8–164.

³ Письма Адамовича З. Н. Гиппиус хранятся в собрании Центра русской культуры Амхерста (Amherst Center for Russian Culture. Z. Gippius and D. Merezhkovsky Papers. Box 1. Folders 6–10); опубликованы в: Богомолов 2002: 435–535.

⁴ Письма Адамовича Г. И. Иванову и И. В. Одоевцевой хранятся в собрании Beineke Rare Books and Manuscript Library, Yale University; опубликованы в: Коростелев 1997: 391–501.

⁵ Письма Адамовича А. С. Гингеру, А. С. Присмановой и С. Ю. Прегель 1951–1972 гг. хранятся в архивном собрании В. Руднева и С. Прегель University of Illinois Urbana-Champaign; опубликованы в «Новом журнале»: Крейд 1994: 258–319; републикация: Адамович 1996: 393–414; цитируются по «Новому журналу».

А. А. Полякову⁶, Л. Д. Червинской⁷, В. С. Яновскому⁸ и др. Переключки относятся прежде всего к сфере профессиональной: многие из адресатов Адамовича принадлежали к миру литературы, поэтому значительная часть писем касается литературных дел каждого из них и общего положения эмигрантской словесности, а равно и бытия писателей в военные и послевоенные годы. Кроме профессиональных интересов, переключки обусловлены тем, что можно было бы назвать перекрестной дискурсивной (авто)цитатностью: поскольку переписывались «все со всеми» и у каждого автора были во многом одни и те же адресаты, в свою очередь, выступавшие авторами встречных писем, единый эмигрантский эпистолярный дискурс⁹ складывался из множества «парных», «тройных» и пр. т. п. фрагментов-цепочек, что делало повторы и автоповторы неизбежными.

Длившаяся с различной степенью регулярности тридцать лет переписка с Бахрахом¹⁰ не составляла исключения, являясь

---

⁶ Письма Адамовича А. А. Полякову хранятся в: BAR. Coll. A. A. Poliakov. Box 1. Adamovich. Folders 1–18; цитируются по копиям с оригиналов.

⁷ Письма Адамовича Л. Д. Червинской 1952–1972 гг. хранятся в: BAR. Ms Coll. Adamovich; частично опубликованы нами в «Вестнике Крымских литературных чтений»: Демидова 2006: 110–138 (22 письма 1952–1955 гг.).

⁸ Письма Адамовича В. С. Яновскому хранятся в: BAR. Ms Coll. Yanovsky. Box 1. Folder 1. Adamovich; частично (12 писем 1945–1956 гг.) опубликованы в: Крейд и Крейд 1999: 121–140; цитируются по копиям с оригиналов.

⁹ Об эпистолярном дискурсе и роли эпистолярности в жизни эмиграции см.: Демидова 2015: 314–326.

¹⁰ Встречная часть переписки, вероятнее всего, не сохранилась, поскольку Адамович, за редкими исключениями, корреспонденции личного характера не хранил, см., напр., его письмо к Бунину от 22 июня 1948 г.: «Я очень люблю получать от Вас письма и мой “архив” только из них и состоит. Другие все летят в печку или в корзину» (Бунин 2004: 85); ср. письма Бахраху от 1 августа 1947 г. («Пожалуйста, рвите мои письма, а то когданибудь мои исследователи и комментаторы их напечатают – и будет скандал. До исследователей же они у Вас валяются на столе, где Ваши друзья могут бросить нескромный взор на них») и 4 марта 1957 г.: «Не писал я Вам действительно долго. Отчасти потому, что меня чем-то разозлило Ваше предыдущее письмо (не помню, чем, а письмо сжег, как все)»; впрочем, в письме от 1 января 1957 г. Адамович, призывая Бахраха ответить ему как можно скорее, не без иронии замечает: «Когданибудь издадим для потомства»; см. также письмо от 2 мая 1965 г.: «Читая Вас, позавидовал, что у Вас есть “архив”. У меня, когда я помру, не останется ничего. Нет,

не только обменом новостями между двумя приятелями, но прежде всего – перепиской литераторов, сообщающих друг другу новости о жизни членов сообщества в годы оккупации¹¹ и в послевоенные годы; о старых и новых книгах и периодических изданиях¹²; о литературных и политических скандалах, которыми изобиловало первое десятилетие после освобождения Парижа и окончания войны; о ссорах, противостояниях и разгоравшихся по разным причинам – далеко не всегда литературным – «войнах»¹³; о жизненных и творческих планах, о «смене вех» и мн. др. Среди «многого другого» были и события сугубо личного характера: например, рассказ Адамовича о тяжбе с некоей м-м Гурфинкель по поводу плагиата¹⁴, его поздравление Бахраху в связи с получением

кое-что останется, и именно в Иельском Ун<иверсит>-те, у Раннита. Последняя моя продажа ему – письмо Жида, очень лестное (вопреки Вашей клевете, что он счел меня болваном), за 120 долларов».

¹¹ См., напр., ответ Адамовича на вопрос Бахраха о судьбе Ю. Фельзена: «О Фельзене я ничего не знаю. То, что он был в Лионе – для меня новость. Не знаю, радоваться ли этому, т. к. подозрительно его молчание после – но все таки я за него теперь спокойнее» (недатированное письмо начала 1940-х); Фельзен погиб в немецком концлагере в 1943 г.; подробнее см.: Ливак 2001: 47–70; см. также статью Адамовича «Смерть и время» (Адамович 1946: 171–182), в которой он вспоминает погибших в годы войны писателей: Ю. Фельзена, Б. Вильде, мать Марию (Е. Кузьмину-Караваеву) и умершего в 1942 г. в швейцарском санатории от чахотки А. Штейгера.

¹² Одна из центральных тем переписки второй половины 1940-х – 1950-х гг. – судьба послевоенной эмигрантской газеты просоветской ориентации «Русские новости» (Париж, 1945–1970), в которой сотрудничали Адамович и Бахрах, и планы организации нового издания демократического толка; подробнее см.: Демидова О. Р. «Георгий Адамович: От “Русских новостей” к “Русской мысли”» (в печати).

¹³ См., напр., письма от 11 сентября 1952 г., 17 октября 1954 г. и 14 ноября 1954 г., передающие парижскую атмосферу тех лет: «Все поэты перессорились, до меня только доходят слухи, что один врун, другой – нахал, третий – подлец, et ainsi de suite»; «В Париже я провел три недели. После юга, Ниццы и всего такого он мне вообще казался мрачен, а тут еще стоны со всех сторон: кто болен, кто нищ, кто безнадежно влюблен. Сплошной общий вопль»; «Из Парижа – новостей мало. Лида стонет (деньги и Ноля). Другие по мере сил сплетничают, но неинтересно». *Ноля* – Арнольд Самсонович Блох, близкий друг Червинской.

¹⁴ Причиной тяжбы явилось то, что г-жа Гурфинкель в 1954 г. издала книгу под названием «L'autre patrie», полностью повторяющим название книги Адамовича 1947 г., что он расценил как плагиат, см. его письма Бахраху от 27 января и 24 февраля 1954 г.: «Я в переписке с Editions du Lenil насчет сочинения г-жи Гурфинкель. Они мне указывают, что L.U.T. est liquide и distribution de mon livre terminée. Я им отвечаю:

последним французского гражданства (см. письмо от 1 августа 1947 г.: «Поздравляю с производством во французы – и завидую»), а через некоторое время – в связи с помолвкой и женитьбой; уведомление о запрошенной у Адамовича рекомендации Бахраху для принятия его в ложу «Юпитер» (письмо от 18 июля 1956 г.)¹⁵; начиная с середины 1950-х гг. весьма актуальной становится тема болезней автора и адресата писем¹⁶. Кроме того, почти во всех письмах упоминаются

да, может быть, но книга моя есть еще в продаже. Они могут спросить: где? Вот тут и дельце к Вам: Вы вероятно бываете у Каплана. Если у него нет “L’Autre patrie” (была) попросите его взять у Plon 1–2 экземпляра. Пусть они у него стоят. А если он боится, что не продаст, скажите, что я их у него куплю сам, как делает Даманская. Пожалуйста, сделайте это. Пусть и Plon – на случай чего – подтвердит, что книга еще требуется. “Seuil” отвиливает и между прочим пишет ерунду, что прошел “un laps de temps convenable”. А моя книга вышла в 1947 году, и 6 лет – никак не convenable! Я бы оставил их и Madame Gourfinkel в полном покое, если бы они мне за laps convenable заплатили une somme convenable»; «С “Seuil” переписка моя оборвалась на том, что они хотели бы меня видеть. Сначала писали почти нахально, а потом стали любезнее, т. к. почувствовали, что я собираюсь судиться. Надеюсь, что свидание кончится вручением чека, и пусть Гурфинкельша тогда выпускает хоть еще книжку под тем же заглавием. Вопрос: сколько?»

¹⁵ «Одновременно с письмом от Вас получено письмо от Ермолова с просьбой сказать, что я о Вас думаю. Ответ мой останется вечной тайной. Но предупреждаю, что я, как человек серьезный и уважаемый, ответил тоже серьезно – ничего в своих суждениях о Вас не скрывая и подчеркнув, что особых посвятительных и миссионерских надежд связывать с Вами, при Вашем скепсисе, нельзя. Voila. Остальное покажет будущее. Никаких тайн Вам открывать при первых беседах никто не станет, будет разговор общий, о погоде или об Алжире, но Ермолов достаточно опытен, чтобы сквозь погоду уловить то, что ему нужно»; завершение этого сюжета см. в письме от 4 декабря 1956 г.: «Очень рад, что 20го – ежели буду жив и в Париже – я проткну Вас шпагой. Мне сообщил об этом Ермолов, кстати сообщивший и то, что он больше не председатель Юпитера».

¹⁶ Впервые тема болезней появляется в письме от 14 февраля 1955: «К тому же я сейчас – в немощах и болезнях. Был грипп, а теперь болят глаза, да так, что я сижу в темных очках, а пишу или читаю только вопреки доктору, категорически это мне запретившему. Сегодня чуть-чуть лучше, вот я и собрался ответить на письмо Ваше, давно уже у меня лежащее»; в письмах от 31 октября и 14 декабря 1964 гг. Адамович сообщает Бахраху о первом инфаркте, в следующих письмах, отвечая на вопросы Бахраха, подробно пишет о симптомах и о своем состоянии; ср. письма Гингеру от 20 февраля 1955 и 14 декабря 1964 гг. (Крейд 1994: 273, 316); кроме того, в письме от 31 октября 1964 г. Адамович откликается на известие о случившемся с Бахрахом «казусе» (травме ноги), о котором идет речь также в письмах от 20 ноября, 14 и 27 декабря 1964 и 3 февраля 1965 гг.

регулярные встречи «для покера», на которые собирались заядлые картежники Адамович и Гингер в доме матери Бахраха Р. Г. Дижур, и во многих – подробные «реляции» о состоянии ее здоровья и советы, касающиеся сложных внутрисемейных дел.

Инициатором возобновления прерванных событиями лета 1940 г. эпистолярных отношений был, вероятнее всего, Бахрах, см. первое из писем Адамовича к нему, не датированное, но, судя по содержанию, написанное не ранее октября 1940 г.¹⁷: «Спасибо за письмо. Я был очень рад получить его и узнать, что Вы все живы и здоровы. Кроме того, был рад, что вспомнили обо мне. *Pas les temps qui court* всякий знак внимания дорог. Я живу в полном одиночестве, если не считать семьи, конечно. Никого и ничего. Не могу сказать, чтобы меня это тяготило – но сколько это продлится? Ницца опустела совсем, “иных уж нет, а те далече”¹⁸. <...> Кажется, в первый раз в жизни написал Вам такое большое письмо» (подчеркивание Адамовича. – О. Д.).

Уже в первом письме задается не только установка на выраженную литературность, но и те уровни, на которых она эксплицируется: новости литературной жизни и жизни литераторов; критические оценки прочитанного; вызванные определенным текстом размышления философского порядка; многочисленные аллюзии и прямые (авто)цитаты. Подобная литературоцентричность характерна для всех писем Адамовича собратьям по перу, своей преимущественной ориентацией на нее, своей фрагментарностью, аллюзивностью и кажущейся «неточностью» и недоговоренностью отчетливо напоминающих его знаменитые «Литературные беседы»¹⁹, с которых начался путь Адамовича-критика в эмиграции. Разумеется, Адамович, тонко чувствующий адресатов, неизменно

¹⁷ Ср.: «Скажите пожалуйста Вере Николаевне, что я с ужасом вспомнил в октябре, что было 17 сентября!», т. е., День Ангела В. Н. Буниной, с которым он забыл ее поздравить.

¹⁸ Ср. описание послевоенного Парижа в письме к В. С. Яновскому от 26 декабря 1945 г.: «А вообще в Париже – мерзость и запустения <sic! – О. Д.> вероятно безвыходная» (BAR. Ms Coll. Yanovsky. Box 1. Adamovich. Folder 1, без нумерации листов).

¹⁹ Полный корпус «Бесед» с предисловием и комментариями О. А. Коростелева см.: Адамович 1998.

старается найти нужный тон с каждым из собеседников²⁰, и все же представляется возможным говорить об ориентации на профессионально ориентированную диалогичность как о типологической специфике его эпистолярии и об инварианте дружественного «литературно-философического» письма-свободно текущей беседы как ее основе²¹. В переписке с Бахрахом эта особенность явлена в полной мере²².

В цитированном выше первом письме, отвечая на вопрос Бахраха о судьбе Лулу Каннегиссер, сестры Леонида Каннегиссера, Адамович сопоставляет не вызывающий у него сомнений трагический финал ее жизни (гибель в концлагере) с пришедшейся на первое десятилетие двадцатого века юностью, полной радостных надежд и светлой веры в будущее, которое, казалось, ей «улыбалось», и в связи с этим пассажем отсылает Бахраха к «Нездешнему вечеру» М. Цветаевой, очень точно передающему самый дух эпохи и петербургского дома Каннегиссеров: «Кстати, прочтите, если найдете, этот “Нездешний вечер”. Она была конечно “царь-дура”, но это она написала все таки больше как царь, чем как дура, и местами неподражаемо – метко и верно». Весьма показательны в этом фрагменте не только высокая оценка текста Цветаевой, но и автоцитата, восходящая к известному противостоянию Адамовича с нею в межвоенные годы²³.

И уже почти в финале письма Адамович как будто «между делом», продолжая начатый какое-то время назад разговор, признается Бахраху в своем последнем литературном «пристрастии», сопровождая признание развернутой оценкой и не без доли легкой самоиронии делясь с адресатом возникшими во время чтения мыслями и планами: «Знаете, чем я сейчас увлекаюсь и во что

---

²⁰ Подробнее об этом см.: Демидова 2000: 153–162.

²¹ Подробнее о традиции дружеского письма см.: Тодд 1994.

²² См., напр., полшутливое-полусерьезное признание Адамовича в письме от 10 мая 1953 г.: «Я когда Вам пишу, то будто сижу в кафэ и болтаю, что придется»; ср. финал письма от 17 ноября 1953 г.: «Ну, cheri, до свидания. Очень я разболтался».

²³ Подробнее об этом см.: Коростелев 2000: 3–12; перепечатано в: Коростелев 2013: 195–205.

погружен: Saint-Simon. Это удивительный писатель, совсем первый сорт, и с такими подробностями, что весь Людовик XIV со всем своим невероятным двором как живой, будто все это только вчера было. И до чего люди всегда те же и всякая суета сует до чего вечна. Самое странное, что он иногда, когда начинает захлебываться от злобы и страсти, делается похож на Достоевского. Надо бы это запомнить, чтоб когда воскреснут “Посл<едние> Новости” щегольнуть таким эффектным сравнением».

Спектр передаваемых Адамовичем Бахраху новостей о литераторах и о фактах литературного быта весьма широк. В военные годы, когда письма сделались единственным средством сообщения между т. н. свободной и оккупированной зонами Франции, другими европейскими странами и Америкой и, соответственно, единственным доступным эмигрантскому сообществу источником информации, Адамович сообщает сведения о жизни и судьбе друзей, коллег, близких и дальних знакомых: арестованных, отправленных в концлагеря, погибших, собирающихся эмигрировать или уже эмигрировавших за океан. В первые послевоенных годы к ним добавляются известия политического характера, бывшие весьма актуальными на фоне двух центральных для диаспоры тем: коллаборантства в годы войны, обвинениям в котором и соответствующим гонениям подверглись многие литераторы²⁴,

---

²⁴ См., напр., отзвуки «дела Берберовой» в недатированном письме предположительно середины августа 1947 г. и 1 сентября 1947 г.: «Пишу Вам по делу. Получил сегодня письмо от Берберовой. Она сообщает, что к ней – нет, к Макееву – явился “хорошо ему известный человек” и сказал, что вскоре будет опубликовано факсимиле ее письма ко мне, в котором есть такая фраза: “русским писателям в сущности нет дела до борьбы различных рас между собой”. У них осталось впечатление, что это шантаж. Письмо будто бы находится у какого-то “третьего лица” – и как будто требует выкупа. Ninon предлагает мне ответить – как ей реагировать на такие визиты? Я ей отвечаю: реакция одна – дать гостю по морде; каким образом письмо, адресованное мне, попало в руки “третьего лица” – не знаю; было ли такое письмо – не помню; если бы такое письмо было опубликовано с указанием моего имени – подаю в суд. Делюсь я всем этим с Вами во первых потому, что Вы мой конфиденент, а во вторых – потому, что может быть Вы что нибудь по этому делу знаете. Кто мог у меня украсть письмо? Мог ли кому нибудь его дать сам? Зачем? Ничего не помню. Не помните ли Вы чего нибудь из наших разговоров в Ницце? У меня есть одно предположение, откуда идет шантаж – если Вы догадливы,

и послевоенного советофильства, в котором, среди прочих, обвинялись И. А. Бунин и А. М. Ремизов, а также и Адамович с

то догадаетесь. Но неужели это возможно? *Ce serait* все таки слишком чудовищно и глупо. А где письмо могло бы быть напечатано. Не у нас же?! Где же больше? Скорей всего это только угроза обнародования – для вымогательства. *Cher petit*, напишите мне Ваши соображения об этом. Вы все и всех знаете. Пишите откровенно, без страха – я письмо Ваше порву сейчас же, клянусь. *Je trouve cette affaire plutot degantante*, и мне очень неприятно касательство к ней. В сущности, ничего уж столь одиозного в фразе *Ninon* нет. Шантаж на авось. <...> Жду ответа. Ваш Г. А. *Tout cela est strictement entre nous*, пожалуйста. Никому не говорите ничего, не то еще пойдут новые сплетни; «Все это в общем чепуха. Спасибо за обстоятельный ответ, но в макиавелизм *Ninon* дошедшей до такой каверзости – не верится. Хотя и в шантаж верить трудно – слишком ясно, что откупаться она не станет. Покойник Ходасевич действительно мог бы такой ход придумать для подкопа под врага – но едва ли она. Однако Вы не поняли моего намека на источник возможного шантажа: о П.<олонском> я никак не думал и знаю, что на это он не способен. Я теперь так боюсь писать, что видите имен не называю – а то как Чичиков “пострадал от людской несправедливости”. Здесь я показал письмо *Ninon* только Алданову, который конечно только промычал и развел руками. Поговорим обо всем этом при встрече».

Николай Васильевич Makeev (1889–1973) – писатель, публицист; второй муж Берберовой. См. о нем: Берберова 1996: 433–435, 464; Берберова 1997: 175; Винокурова 2014: 200–214.

Ср. воспоминания Яновского: «Весною 1941 года <...> Адамович мне рассказал об открытке, полученной недавно Буниним от Б<ерберовой>; она приглашала Ивана Алексеевича вернуться из свободной зоны в Париж, уверяя, что “теперь объединение всей русской эмиграции вполне возможно”. – Стерва, еще подводит идейную базу! – решили мы посмеиваясь» (Яновский 1983: 51); см. также письмо М. Алданова Адамовичу от 16 апреля 1946: «Поскольку же дело идет о Берберовой, то ведь отрицательное отношение к ней здесь года четыре тому назад установилось в значительной мере именно вследствие В а ш е г о чрезвычайно резкого письма о ней к Александру Абрамовичу <Полякову. – О. Д.> и [почти] столь же резкого отзыва о ней в разговоре с Яновским в Ницце. Ваше письмо и привезенный Яновским отзыв были, кажется, первыми, позднее последовали другие» (BAR. Coll. Aldanov. Vox 1; разрядка Алданова. – О. Д.); ср. письмо А. Седых Бахраху от 26 августа 1981: «Отлично помню, как Адамович принес на Променад де-з-Англэ ее открытку из Парижа: “Вам надо вернуться. Нас обманывали. Открываются громадные возможности работы в России”. После чего Ив<ан> Ал<ексеевич>, Алданов и я решили порвать с ней всякие отношения. К бойкоту присоединился позже и А. А. Поляков. Ив<ан> Алексеевич, по слабости характера, ее позже амнистировал, но Алданов, я и Поляков сохранили к ней полнейшее презрение» (BAR. Coll. Vacherac. Vox 5). Подробнее о «деле Берберовой» см.: Будницкий 1999: 141–173; Винокурова 2019: 162–176; см. также статью С. Франк, в которой на основании неверного прочтения цитированного выше письма Адамовича Бахраху от 14 августа 1947 г. делается вывод о виновности Берберовой: Frank 2018: 602–620; анализ этой ошибки см. в: Винокурова 2019: 176.

Бахрахом, сотрудничавшие в просоветских «Русских новостях» (первая публикация Адамовича в газете появилась 18 мая 1945 г.). С этим сотрудничеством связаны новости, касающиеся положения дел в редакции газеты, внутри-редакционных противостояний²⁵, поступивших литературных материалов²⁶. С ним же связана довольно болезненная тема запятнанной репутации, неоднократно «откликавшаяся» и после ухода Адамовича из газеты в конце 1949 г.²⁷

Начиная со второй половины 1940-х гг., по мере возрождения литературной жизни в письмах появляются упоминания о новых периодических изданиях, планируемых, готовящихся или уже вышедших в свет²⁸; о деятельности парижских литературных

²⁵ См., напр., письма от 29 июня (?) 1948 г., <августа> 1949 г., 24 августа, 10 сентября 1949 г., 8 февраля и 3 марта 1950 г., 26–28 марта 1953 г. и др.

²⁶ См. письма от 1 августа 1947 г., недатированное письмо лета 1948 г., 9 августа и 9 октября 1948 г., 3 и 10 сентября 1949 г.

²⁷ См., напр., недатированное письмо августа 1949 г., в котором Адамович рассказывает о неодобрении его решения принять участие в «Русских новостях», постфактум выраженного М. А. Алдановым: «Т. е., в 1945 году! На что я ему бурно возразил, что от тогдашнего желания целоваться со Сталиным не отрекаюсь!»; см. также письмо от 11 августа 1952 г., в котором Адамович пишет, что «коллаборация со Ступницким и Ратнером <т. е., участие в «Русских новостях». – О. Д.> очевидно все еще остается пятном на репутации»; ср. письмо от 29/VII–53 г.: «Кстати, Чиннов (по рассказу Гринберга) хотел написать в какой-то мюнхенской русской газетке статью об «Опытах». Ему поставили условием: ни слова об Адамовиче и Вейдле. Первое – в порядке вещей, но второе? Вероятно это уже результат тамошней склоки». Ср. письма Адамовича А. А. Полякову от 20 июля 1945 г., 29 мая 1947 г. и 11 июня (?) 1956 г.: «Ваш иронический вопрос о сменевеховстве – для меня ясен в смысле Вашего отношения к нашим здешним настроениям. Спорить не стоит и не к чему. Но знаете, самое грустное во всем этом то, что если бы мы были в Нью-Йорке то думали бы как Вы, а Вы, если бы были в Париже, думали бы, как мы. Исключений нашлось бы немного. «Бытие определяет сознание», т. е., не совсем бытие, а среда, воздух, окружение, – и сознание вовсе не так свободно, как считает себя»; «О газете нашей не пишу, зная Ваше к ней отношение. <...> если бы Вы были здесь, то многое истолковали бы иначе. Если не разумом, то инстинктом. Здесь положение такое, что «или – или». А второе «или» – это бывшие немецкие друзья»; «Кстати, я ничуть не раскаиваюсь в своем участии в «Русских» Н<овостях>» и продолжаю считать, что тогда это было правильно. М. б., только ушел я оттуда поздно, надо было бы раньше!» (BAR. Mss Coll. A. A. Poliakov).

²⁸ До начала 1950-х гг. особый интерес вызывали проекты (нереализованные) создания новой газеты (см. письма от [августа], 24 августа, 3 и 10 сентября 1949 г., 8 февраля и 2 марта 1950 г., 24 июля, 8 августа и 30 декабря 1951 г., 16 (без указания месяца, предположительно – февраля) 1952 г.; кроме того, в письмах от 14 августа

объединений²⁹ и салонов, в частности, известного «Неточкиного» (секретаря Объединения русских писателей и поэтов А. М. Элькан) салона на рю Тильзит и о происходивших там регулярных собраниях³⁰; об изданных книгах и обстоятельствах их издания и финансирования³¹; о планах подготовки необходимых для

и 1 сентября 1947 г. упоминаются (без названия) альманах «Орион», единственный номер которого вышел в свет в Париже в 1947 г. (ред. Ю. Одарченко, В. Смоленский, А. Шайкевич); в письмах от 15 февраля и 28 июля 1953 г. и 11 февраля 1957 г. – нью-йоркский журнал «Опыты», в письме от 29 января 1962 г. впервые упомянут мюнхенский журнал «Мосты», с которым Адамович сотрудничал, см., напр. его статьи «О нас и о французах», «Пушкин», «На полях “Реквиема” Анны Ахматовой», «Об Александре Гингере», «Зинаида Гиппиус» (1961. № 8. С. 106–112; 1962. № 9. С. 144–152; 1965. № 11. С. 206–210; 1966. № 12. С. 266–268; 1968. № 13–14. С. 204–208); кроме того, в «Мостах» был опубликован фрагмент перевода С.-Ж. Перса «Анабазис», выполненный Адамовичем в соавторстве с Г. Ивановым; публикация была осуществлена по изданию: Перс 1926; см. отклик Адамовича на журнальную публикацию в письме от 29 января 1962 г.: «P. S. Не могу ничего ответить о “Мостах”, ибо получил их в день отъезда и оставил в Париже, во внимание к тяжести этого тома. Но спасибо за лестный отзыв о моей там статейке. Бербериха настаивала будто бы, чтобы печатать Перса полностью, а я хотел бы знать, кто этот опус прочел, и в силах был прочесть, хотя бы в отрывках! Вот тема: “о жульничестве новой поэзии”». «Статейка» – упомянутая выше статья, в которой Адамович рассуждает о переводе «Анабазиса».

²⁹ См. напр., письмо от 8 апреля 1952 г.: «Вчера было заседание Объединения (правление). Ваша отставка от всех должностей и участия <читается предположительно. – О. Д.> зарегистрирована. На Ваше место верно будет введен Чиннов. Общее собрание решили отложить, т. к. негде и некого собирать, а я свои председательские функции передал Терапьяне, оставшись членом правления. Все это запечатлено протоколно, на французском языке»; речь идет об Объединении русских писателей и поэтов, председателем которого Адамович был с 12 мая 1950 г. (избран на общем собрании, состоявшемся у А. М. Элькан).

³⁰ Собрания в этом салоне упоминаются достаточно часто и неизменно иронически, см., напр., письмо от 11 декабря 1952 г.: «В Париже – бури в стакане тильзитно-неточкиной воды, гл. образом из за Оцупа, который чудит и дерзит. Но при этом – еженедельные обсуждения смысла жизни по Рудольфу Штейнеру и Терапиано. Главная vedette кажется Померанцев»; ср. письмо от 25 ноября 1953: «Меня озадачило и даже вдохновило известие, что Неточка переезжает к дочери <...> Как же без rue Tilsith? Это совсем конец русской литературы».

³¹ Например, в письме от 25 апреля 1952 г. Адамович после фразы «Вы просите сплетен: их нет у меня» сообщает, что «Тэффи бодра и привычно-язвительна (по адресу Даманской, умудрившейся пристроить свой роман в нью-иоркском изд-ве и получить аванс)»; речь идет о романе А. Ф. Даманской «Миранда», принятом к изданию в нью-йоркском Издательстве имени Чехова (вышел в свет в 1953 г., см. рецензию Адамовича: Новое русское слово. 1953. 26 июля); далее следует намеренно юмористический

эмиграции книг, например, биографии И. А. Бунина (впервые: письмо от 20 июля 1952 г.) и посвященного ему мемориального тома (впервые: в письме от 17 ноября 1953 г.)³², а через два года после смерти Бунина – о судьбе его архива (впервые: письмо от 13 августа 1955)³³; о появлении новых литературных

перечень событий «литературной» жизни: «Присманова угощала уткой, а в общем все то же. Был у Бунина, тоже – то же. Насчет Глюкберга слышал, что Вы написали вдове какое-то удивительное письмо, заставившее ее рыдать. Я у нее был, но не застал, – признаюсь, был этому рад. Что же еще? Маковский выгнал чуть ли не мордобитьем Жоржа Иванова, усомнившегося в чистоте его расчетов при передаче ему буровских денег. Как видите, жизнь кипит».

³² См. продолжение мемориальной темы в письме от 25 ноября 1953 г.: «Да, Алданов спрашивает, “написал ли Бахрах Чех<овскому> Изд<ательству> с предложением сборника памяти И<вана> А<лексеевича>?” Я ответил, что по моему Вы считаете, что это его роль и его дело. Правда? Но я думаю, что сборник лучше отложить в виду неладов из-за редакторства. Кстати, 19го февраля, в Лондоне, в эмигрант<ском> Пен-клубе будет вечер памяти И<вана> А<лексеевича> с моим председательством (!) и докладом Колина-Гершуни, по моему развязного болвана. Он меня умолил председательствовать, чтобы ему остался доклад. Но я тоже по французски скажу 2 слова. Он хотел просить В<еру> Н<иколаевну> прислать портрет И<вана> А<лексеевича>]; см. также упоминание о первой годовщине со дня смерти Бунина в письме от 14 ноября 1954 г.: «У Веры Ник<олаевны> был траурный прием, было 54 человека, все что-то говорили, даже она, но по ее словам особенно блистал и всех потряс Лень».

³³ В 1955 г. советская сторона начала предпринимать шаги для получения архива, для чего обратилась к В. Н. Буниной с предложением продать архив; посредником в этих переговорах выступил Л. В. Никулин; в результате переговоров Бунина согласилась подготовить архив для продажи, осенью 1957 г. передала представителю СССР опись вместе с частью архива, однако обещанного гонорара не получила – вместо него Совет министров СССР без согласования с нею назначил ей пожизненную пенсию; подробнее см.: Белобровцева 2020: 186–187; ср. письмо Адамовича Бахраху от 13 августа 1955 г.: «Получил Ваше письмо, а сегодня – вдогонку – второе, относительно Веры Ник<олаев>-ны. Под впечатлением пишу именно об этом деле. Мысль извлечь, что можно, из неожиданного фавора И<вана> Ал<ексееви>-ча возникла давно, сразу по получении этих сведений. Заинтересовался этим Кантор, ездивший к Маклакову советоваться. Тот приветствовал инициативу, но признал дело деликатным: просить – неудобно, требовать – опасно, т. к. может провалить все. Я лично говорил об этом с В<ерой> Н<иколаевной> которая полу-“gaga”, и мало что понимает. Сначала она упиралась, потом вдруг сообразила, что “Олечке будет это хорошо” и очень оживилась (надо Вам сказать, что Олечка – дочь Ляли Жировой – теперь почти вытеснила Ленью в заботах и любви В<еры> Н<иколаевны>). Уехал я из Парижа, когда дело было в неопределенном положении, и В<ера> Н<иколаевна> склонялась к тому, чтобы все поручить miss Bradley, нечто вроде agent littéraire. Здесь я в первый же день имел об этом разговор с Марком Ал<ександрови>-чем <Алдановым. – О. Д.>, пришедшим от этой

имен³⁴ и направлений³⁵, о переменах в жизни писателей³⁶. Подчеркнуто иронически описаны многочисленные полу-анекдотические коллизии литературного быта: история о попытке А. Ф. Даманской «покровительствовать молодежи»³⁷, конфликт С. К. Маковского и А. С. Гингера, вызванный эпитетом «матер-

---

затеи в неопикуемый принципиальный ужас. Помимо принципов, он утверждал, что на В<еру> Н<иколаевну> и так всех собак вешают, а тут поднимется вой и травля. Я чуть не поругался с ним из-за всех этих идиотских принципов. Но на следующий день он явился с тем, что все свои слова берет обратно и что согласен, что если несчастная старуха может дожить жизнь в довольстве – что, кстати, она заслужила! – то это реальнее принципов. А что скажет Зайцев (отчасти из зависти), не так важно. Вот мои сведения об этом деле. Как видите, Ваши призывы к конспирации опоздали. Насколько могу судить, Мих<аил> Сем<енович> <Кантор. – О. Д.> впутался в это дело напрасно, в особенности если его никто об этом не просил. А едва ли его просили! Все это надо было бы провести иначе, хотя в сущности важен только результат».

³⁴ «Да, вот новость: объявился новый великий поэт – Кантор. Честное слово! Он дал мне сюда рукопись, это, конечно, не Бог весь <sic! – О. Д.>, как талантливо в смысле словесном, но очень по своему в эмоциях, складе и т. д. – нечто вроде модернизированного и подсушенного Случевского, однако без сумасшествия (даже жаль). Во всяком случае это лучше 99% нашей средней местной продукции» (письмо от 10 мая 1953 г.).

³⁵ См., напр., письмо от 5 февраля 1956 г.: «Вчера Оцуп в Париже читал лекцию о новом лит<ературном> направлении, им создаваемом. Очень жалею, что не присутствовал: истинных развлечений в нашей жизни не столь много!»; ср. письмо Адамовича Присмановой и Гингеру от 3 февраля 1956 г.: «Прочел в газетах, что наш Оцуп намерен основать новое литературное направление и пожалел, что меня нет в Париже: все таки развлечение» (Новый журнал. 1994. № 194. С. 279–280). Речь идет о т. н. персонализме, единственным представителем которого остался Оцуп.

³⁶ См., напр., сообщение о значимом событии в жизни Л. Ф. Зурова в письме от 13 августа 1955 г.: «Что касается Лени, то у него роман с какой-то русской англичанкой, которая его и пригласила не то в Норвегию, не то в Шотландию и занята его славой, переводами и т. д.»; речь идет о М. Э. Грин, сыгравшей существенную роль в жизни Зурова и – опосредованно – в судьбе архива Бунина; подробнее об этом см.: Белобровцева 2020: 177–191.

³⁷ Об этом забавном эпизоде Адамович сообщает в письме от 20 июля 1952 г.: «Да, с Чех<овским> изд<ательств>-вом у меня вышла история: Даманская, никого не спросив, решила покровительствовать молодежи и спросила их, не издадут ли они сборник моих старых статей. Они об этом запросили Алданова (“почему Ад<амович> действует через третьих лиц?”), в 7 ч<асов> утра мне об этом телефонировала Полонская, я написал Даманской, что она дура, и Даманская ответила мне афоризмом: “Я огорчена, что Вы огорчены”; ср. письмо Адамовича Алданову от 28 июня 1952 г.: “Я не могу на нее сердиться – потому, что вероятно в ее действиях не было никаких дурных помыслов. Было м. б. желание продемонстрировать свою влиятельность и свое право покровительствовать молодежи, только и всего» (BAR. Coll. Aldanov. Box 1).

ний» в одном из стихотворений последнего³⁸; доклад Н. Оцуа о Гумилеве³⁹ и мн. др. В 1960-е гг. предметом детальных обсуждений во многих письмах становится поступившее от московского «Литературного наследства» приглашение участвовать в готовившемся советской стороной бунинском томе. В эти же годы Адамович регулярно сообщает Бахраху о материалах для мюнхенского радио «Свобода», где Бахрах был штатным

³⁸ См. письмо от 10 мая 1953 г.: «У Гингера все какие-то передраги с Маковским, который требует исключить слова вроде “матерний”, которое действительно довольно матерно, хотя есть в приличном значении во всех словарях». Речь идет о строке «вернулся, скуден к матернему лону» из сонета А. С. Гингера «Лоно», которую автор предполагал включить в книгу, готовившуюся для издательства «Рифма». Главный редактор издательства С. К. Маковский возразил против эпитета «матернее» и, поскольку Гингер настаивал на своем, обратился с письмами к известным поэтам и писателям (Адамовичу, Г. Иванову, А. Ремизову и др.) с просьбой разрешить спор. См. письмо Адамовича Гингеру от 6 мая 1953: «От Маковского я получил третьего дня Ваш сонет и тут же вернул его ему с резолюцией. Смысл ее был в том, что 1) матернее – чисто русское слово, у Даля подтвержденное половицей о “матернем сердце” <...> Главное же, и это я написал Маковскому, все это вопросы **стиля**, а стиль Вашего сонета требует таких изысков и вольностей. Стиль выдержан, а грамматика тут ни при чем»; ср. письма ему же от 9 октября 1952 и 28 октября 1955 гг. «Честное слово, собираюсь писать Вам каждый день, чувства к Вам питаю самые матернии, а собраться все не могу»; «Видели ли Вы в предпоследнем номере «Нов<ого> Журнала» цитату из Макса Волошина: И матернии органы Европы... Я Волошина не особенно уважаю, но для Маковского, кажется, это великий мэтр и авторитет. Что же он думает об этих строчках?» (Крейд 1994: 266, 264, 276). Адамович упоминает напечатанную в № 39 «Нового журнала» (декабрь 1954 г.) подборку неизвестных стихов М. А. Волошина из его книги «Пламена. Война и революция». См. также воспоминания Адамовича об этом эпизоде: «Вспоминаю его <Гингера. – О. Д.> резкое столкновение с Сергеем Маковским, писателем, у которого языковое чутье развито было, правду сказать, сравнительно слабо. Столкновение возникло из-за прилагательного “матерний”, введенного Гингером в одно из стихотворений и показавшегося Маковскому решительно недопустимым и непристойным. Конечно, это было неверно. Маковский спутал два схожих эпитета, один из которых действительно непристойен, и забыл, что слово “матерний” – в значении “материнский” – встречается у некоторых старых поэтов, если не ошибаюсь, у Батюшкова. Но стилистически его протест был на мой взгляд не лишен оснований. Эпитет, выбранный Гингером, устарел, вышел из употребления, и лично меня он коробил не грубостью, нет, а некоторой манерностью» (Адамович 1966: 267; сонет «Лоно» вошел в сборник стихотворений Гингера «Сердце» (Париж: Рифма, 1965).

³⁹ См. письмо от 15 февраля 1953 г.: «Пойдите на доклад Оцуа о Гумилеве и сообщите мне беспристрастно, что это было. Развлечений в жизни мало, я очень жалею, что пропускаю хотя бы такие. Будет это в экс-Вашем “Объединении”».

сотрудником⁴⁰ и начальником отдела, а Адамович – парижским корреспондентом, писавшим скрипты о русской, советской и эмигрантской литературе, о балете, о кино (в 1962–1964 гг. он по протекции Бахраха провел на радиостанции несколько месяцев⁴¹). В письме от 2 мая 1965 г. появляется первое упоминание об интересе западных исследователей к эмигрантской литературе: «Hagglund, спрашивавший Вас о моих трудах, вовсе не швед, а американец, только что назначенный лектором в Yale. Я его видел несколько раз, он был у меня даже в больнице. Очень мил и не глуп. Но эти вопросы он разослал всем (Кантор, Вейдле, Терапиано и т. д.). Он меня спрашивал: *quelle est votre méthode critique?* – *Je n'ai pas de méthode.* – *Quels étaient vos maities?* – *Je ne sais pas.* Все в этом роде, вот он с отчаяния и обратился к другим. Ответьте ему, что хотите, а если ответите, что у Вас нет времени для ответов, тоже не беда»⁴².

В ряде писем речь идет о книгах, заказанных Адамовичу, и о тех статьях и книгах, которые он писал, руководствуясь велением сердца и чувством долга перед эмигрантской культурой. К первым

---

⁴⁰ См. отклик Адамовича в письме от 4 марта 1957 г. на известие об эвентуальном переезде Бахраха в Мюнхен: «Ваше письмо меня расстроило, ибо нахожусь я в состоянии слезливом, а не стоическом. Конечно, я рад за Вас. Это – очень хороший исход Ваших неурядиц, хотя Даманская и не станет теперь подавать Вам руки! Но за себя – я совсем не рад. В жизни осталось мало хорошего, а поговорить о поэзии Пушкина и преимуществах мальчиков над девочками совсем не с кем. Ну, словом Ваше отсутствие – для меня удар и с Вашей стороны свинство. Но пора привыкнуть и к одному, и к другому».

⁴¹ Впервые речь о возможности краткого визита в Мюнхен идет речь в письме от 13 июня 1962 г., в письме от 21 июня того же года Адамович благодарит Бахраха за увенчавшиеся успехом хлопоты: «Чувствительно благодарю за хлопоты. Думаю – и чувствую между строками – что было это не совсем легко <...>. Ну, удалось, так и слава Богу. Я мог бы приехать *disons* в среду 4го июля, дня на два или даже три, если не очень Вас обременю»; см. также письма Адамовича Гингеру и Прегель этого времени в: Крейд 1994: 310–314.

⁴² Речь идет об американском слависте Роджере Хагглунде, защитившем диссертацию «Адамович – критик» и издавшем монографию об Адамовиче “*A Vision of Unity: Adamovich in Exile*” (Ann Arbor: Ardis, 1985; см.: Hagglund 1985a) и его библиографию, к сожалению, далеко не полную: “*Georgy Adamovich: An Annotated Bibliography–Criticism, Poetry, and Prose, 1915–1980*” (Ann Arbor: Ardis, 1985; за исключением особо оговоренных случаев, все отсылки к публикациям Адамовича в периодических изданиях 1940-х – 1970-х гг. приводятся по этому изданию; см.: Hagglund 1985b).

относятся биографии В. А. Маклакова⁴³ и книга о балете⁴⁴, ко вторым – статьи «Поэзия в эмиграции» и «Невозможность поэзии», опубликованные в нью-йоркском журнале «Опыты» (1955. № 4. С. 45–61; 1958. № 9. С. 33–51)⁴⁵, и книги «L'Autre patrie» (Paris: Eglhoff, 1947)⁴⁶, «Одиночество и свобода» (Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1955)⁴⁷ и «Комментарии» (Washington, D. C.: Издание Русского книжного дела в США Victor Kamkin, Inc., 1967)⁴⁸. Кроме

---

⁴³ Василий Алексеевич Маклаков: Политик, юрист, человек. Париж: Издание друзей В. А. Маклакова, 1959. 261 с.; см. препринт фрагмента книги под названием «Маклаков и Толстой» (Новое русское слово. 1958. 20 июля; републикация: Русская мысль. 1958. 24 июля).

⁴⁴ См. письмо от 12 октября 1953: «Я сочиняю в ударном порядке балетную книжку» (сведений о выходе книги, которую Адамович писал по-французски, нет).

⁴⁵ См. письмо от 15 февраля 1953 г.: «Я сочинял три дня статейку для “Опытов”, которой был очень увлечен, вопреки тому, что бывает обычно».

⁴⁶ См. письмо от 1 августа 1947 г. с откликом Адамовича на статью Бахраха о книге: «Хочу Вам два слова написать серьезно о “Ин<ом> отечестве”. Неужели Вы хоть одну минуту думали, что мои упреки и попреки имеют значение? Я тронут и польщен Вашей статьей и перечитываю ее каждый день на ночь! Никогда и в мыслях у меня никакой претензии не было, так что Ваши огорчения напрасны. Правда, c'est tout a fait serieux»; ср. с письмом от 1 сентября 1947 г.: «С Даманской я в переписке по той причине, что она мне прислала копию своей статьи о “L'Autre Patrie”. Вот Вы поучились бы, как пишут о таких книгах – сплошной стон восторга!»

⁴⁷ Подробнее о книге и истории ее создания см. в: Адамович 2002: 309–322; в письме Бахраху от 5 февраля 1956 г. Адамович объяснил выбор персонажей для книги: «Я очень искренне доволен и польщен, если книга Вам пришлась по душе. В ней половина болтовни, а другая половина писана всерьез. Мне лично больше всего по душе то, что о Гиппиус. Насчет Тэффи Вы пожалуй правы, но мне было жаль обидеть покойницу. Нажил себе, кажется, смертельного врага в лице Аминадо, а если бы Тэффи не было, он бы меньше был уязвлен. Но между ними все же есть дистанция. И Даманская обижена (“он никогда меня не ценил, как все другие”). Пропуск Ходасевича и Цветаевой умышлен, как и Бальмонта: я не хотел писать о поэтах, отчасти из-за Г. Иванова. Теперь он написал в “Н<овом> Ж<урнале>” рецензию обо мне, и снова я могу писать и о нем. Я ему говорил летом, когда был у них, что после его знаменитой статейки первый шаг должен быть его» (речь идет о статье Г. Иванова «Конец Адамовича», приведшей к длительному разрыву в их отношениях); ср. письмо к Яновскому от 23 ноября 1954 г.: «Я ни о ком, кроме стариков и классиков, в книге не пишу, исключение – Сирин, да и то потому, что написал о нем давно, еще не зная плана книги».

⁴⁸ Подробнее о книге и истории ее создания см. в: Адамович 2002: 593–612; в этом же ряду – брошюра «Толстой» (см.: Адамович 1961b), основанная на лекции, прочитанной Адамовичем в Париже в связи с пятидесятилетием смерти Толстого; «Вклад русской эмиграции в мировую культуру» (см.: Адамович 1962b; в 1962 г. издана во французском и английском переводах, выполненных соответственно Н. Вырубовым и

того, 9 декабря 1953 г. Адамович, явно в ответ на замечания Бахраха, предлагает авторский анализ своего стихотворения «Был вечер на пятой неделе...», опубликованного в «Опытах» (1953. № 2. С. 6–7)⁴⁹, а в письме от 18 января 1965 г. отвечает на вопрос Бахраха о подготовке к изданию сборника своих стихов: «Издание моих стихов? Все в порядке. Раннит пишет предисловие (но когда напишет?), в котором будет указано, что я – Вермеер русской поэзии. Лестно, поэтому я не протестую, а что глупо – тут и протестовать бесполезно. Сборничек будет маленький, хотя Раннит все время требует включения новой дряни, ему нравящейся»⁵⁰.

Во многих письмах Адамович сообщает о бедственном положении коллег по цеху (И. А. Бунина, Л. Д. Червинской, Г. В. Иванова и И. В. Одоевцевой и мн. др.), о помощи нуждающимся литераторам, об обращениях в Литературный фонд, об участии в благотворительных вечерах и лекциях в пользу писателей, о сборе средств на издание книг, лечение, отдых и другие нужды (письма от 8 и 23 июня 1952 г., 5 марта 1954 г., 14 февраля 1955 г., 11 октября 1956 г., 4 декабря 1956 г., 11 февраля 1957 г. и др.).

Д. Оболенским); «О книгах и авторах. Заметки из литературного дневника» (Мюнхен и Париж, 1966), основанная на скриптах, написанных Адамовичем для радио «Свобода» (см.: Адамович 1967b).

⁴⁹ «Что же касается моих стихов, то Вы совершенно правы: второй стишок – сильно “астический”, но честное слово, я сообразил это только прочтя его в печати! В голову прежде не пришло, иначе я его оставил бы для потомства. Ва<м> не нравится “кольт”. Я – писатель щепетильный, и хотя этот кольт тоже мне не по душе, он нужен по двум причинам: 1) couleur locale, Петербург 17го года и очаровательные чекисты, все в патронташах и револьверах 2) для обоснования “мертвого сердца”, дважды упомянутого. А вообще это стихотворение слишком бойкое, я хорошо это знаю, и даже чуть-чуть хамское» (подчеркивание Адамовича. – О. Д.); текст стихотворения см.: Адамович 1999: 253.

⁵⁰ Речь идет о последнем поэтическом сборнике Адамовича «Единство» (см.: Адамович 1967a), стихи для которого предельно строго отобраны самим автором; подробнее об истории подготовки и издания сборника см.: Адамович 1999: 475–477; см. первое упоминание о намерении издать книгу стихов в письме от 14 декабря 1964 г.: «Вот, сидел все эти дни над эвентуальным сборником стихов, который собирается издать Раннит из Yale (т. е. из Университета). Сегодня послал ему рукопись, но с чувством, что все не то и не так, кроме 2–3 “пьес”, как выражался Ходасевич. Завидую людям, которые собой довольны, хотя и удивляюсь: как это может быть?»; книга «Единство. Стихи разных лет» вышла в нью-йоркском издательстве «Русская книга».

Особый тип новостей составляют сообщения об «историях болезни» и о смертях, пополняющих синодик эмиграции; нередко известие о смерти сопровождается мемориальными пассажами, воссоздающими историю отношений Адамовича с ушедшими из жизни и оценкой их личности. Первое сообщение подобного рода – отклик в недатированном письме на сообщение Бахраха об инсульте у З. Н. Гиппиус: «Я очень огорчился известием о Зин<аиде> Ник<олаевне>. Каюсь, я никогда не любил Мережковского и даже чувствовал себя “не по себе”, оставаясь с ним вдвоем. Но ее я очень любил, а если это удар, то значит это конец⁵¹. Вы ее, кажется, мало знали. Это было одно из редких существ, выпущенных Богом в единственном, неповторимом экземпляре, а не “en serie”, как почти все люди. Даже все что в ней было бесвкусного <sic! – О. Д.> или скверно-женского, было “свое”. Да и стихи ее такие. Любить их трудно, а спутать ни с какими другими нельзя». Впоследствии этот оценочно-некрологический фрагмент «отзовется» в посвященной Гиппиус главе «Одиночества и свободы»⁵².

В последующие годы сообщения о болезнях и утратах становятся все более частотными. В 1950-е – 1960-е гг. близкий Адамовичу и Бахраху круг литераторов существенно поредел: в 1953 г. не стало Бунина (письма от 17 и 25 ноября 1953 г., 24 февраля и 5 марта 1954 г.), в 1955 – Д. Кнута и П. С. Ставрова (письмо от 3 марта 1955 г.)⁵³; в 1953 неизлечимая душевная болезнь поразила Л. Ф. Зурова⁵⁴; в 1957 случился инсульт у В. А. Зайцевой (письмо

---

⁵¹ Гиппиус умерла 9 сентября 1945 г.; Адамович отозвался на ее смерть некрологической статьей «Разговор с З. Гиппиус» (Встреча. 1945. № 2. С. 31–32).

⁵² Ср.: «Действительно, она была человеком в своем роде единственным <...>. Несколько слов о стихах Гиппиус. Есть в них одна бесспорная, неотъемлемая черта: их нельзя спутать ни с какими другими. Из тысячи анонимных стихотворений разных авторов человек, сколько-нибудь чувствительный к стилю, безошибочно выделит то, которое принадлежит Гиппиус. Мало о ком из современных поэтов можно бы с уверенностью сказать то же самое» (Адамович 2002: 149, 161–162).

⁵³ См. некрологическую статью Адамовича «Довид Кнут и Перикл Ставров» (Новое русское слово. 1955. 29 мая).

⁵⁴ См. отклик Адамовича на это известие в письме от 28 июля 1953 г.: «Что с Зуровым? Нета писала мне, что он отправлен в клинику, но “специальную”. Видите, вы смеялись, а это в самом деле драма».

от 11 февраля 1957 г.), на долгие годы приковавший ее к постели; в этом же году скончался М. А. Алданов (письмо от 4 марта 1957 г.)⁵⁵, в 1958 – Г. В. Иванов⁵⁶ и Н. Оцуп⁵⁷; в 1960 – А. С. Присманова⁵⁸, в 1961 – В. Н. Бунина, в 1962 – А. М. Элькан и С. К. Маковский, в 1965 – Гингер (письмо от 13 сентября 1965 г.)⁵⁹. Уже в начале 1955 г. Адамович предваряет очередные известия о смертях грустно-ироническим замечанием: «*A part cela* – всякие сенсации. Первая – что много людей умирает» (письмо от 3 марта 1955 г.), а 11 июля 1967 г. пишет Яновскому: «В Париже – пустыня»⁶⁰.

Новости *pro domo sua* – забавные и грустные, бытовые и творческие, достоверные и не очень – образуют верхний слой, единую событийно-семиотическую сетку писем, в которую многочисленными нитями вплетаются ячейки двух других, глубинных слоев: литературно-критического и собственно литературного. Первый складывается из отзывов Адамовича о прочитанных книгах и (пере)оцениваемых авторах, второй – из множественных цитат разного рода: прямых, косвенных, аллюзивных, контаминированных, отсылающих как к художественным текстам, так и к фактам писательских биографий и литературно-бытовым коллизиям. При этом зачастую оба слоя сосуществуют в режиме взаимоналожения не только в рамках одного письма, но и одного пассажа или одной фразы.

Перечень упоминаемых, оцениваемых и цитируемых в письмах книг и авторов весьма репрезентативен и являет собой нечто вроде малого компендиума русской и западной литературы как минимум

---

⁵⁵ См. статью Адамовича «Алданов – человек и писатель» (Новое русское слово. 1957. 1 августа).

⁵⁶ См. некрологическую статью Адамовича «Георгий Иванов» (Новое русское слово. 1958. 2 ноября) и его же статью «Наши поэты: 1. Георгий Иванов» в «Новом журнале»: Адамович 1958: 55–62.

⁵⁷ См. статьи Адамовича «Памяти Николая Оцуца» (Русская мысль. 1959. 3 января) и «Николай Оцуп» (Русская мысль. 1962. 18 января).

⁵⁸ См. статью Адамовича «Анна Присманова» (Русская мысль. 6 февраля).

⁵⁹ Адамович сообщает, что написал О Гингере для «Мостов», см.: Адамович 1966: 266–268.

⁶⁰ BAR. Ms Coll. Yanovsky. Box 1. Adamovich (без нумерации листов).

четырёх столетий. Французская литература представлена именами и текстами Ж.-Б. Боссюэ, Ж. де Лафонтена, Ж. Расина, А. Сен-Симона, Г. де Мопассана, А. Франса, Ш. Бодлера, А. Рембо, П. Валери, А. Жида, П. Клоделя, А. Камю⁶¹, А. Труайя и др.; английская – В. Шекспира, и О. Уайлда; американская – Э. По.

В ряду отечественных авторов девятнадцатого столетия – В. Г. Белинский, чью роль Адамович иногда себе иронически «присваивает»⁶²; И. Ф. Богданович, А. И. Герцен⁶³, Н. В. Гоголь, И. А. Гончаров, А. С. Грибоедов, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. И. Тютчев, Н. Н. Страхов и др.

Из авторов русского модерна и старшего поколения эмиграции упоминаются и/или цитируются И. Ф. Анненский, А. А. Ахматова⁶⁴,

⁶¹ Камю упоминается в связи с предпринятым Адамовичем переводом его романа «L'Étranger»; первое упоминание см. в письме от 15 августа 1965, в котором Адамович выражает согласие выполнить предложенный ему в одном из предыдущих писем перевод, заказанный через радио «Свобода», ср.: «<...> D'accord <...>. Но я был удивлен, т. к. слышал (от кого?), что перевод предложили Галине Кузнецовой. Что, она плохо перевела пробу или отказалась? Меня этот перевод даже интересует, т. к. это работа не совсем механическая, а если и трудная, то приятно-трудная по моей любви к Camus. Постараемся удовлетворить заказчиков! Но от кого это исходит и неужели "Étranger" <sic! – О. Д.> не переведен в России?»; в письме от 13 сентября Адамович отвергает предложенный Бахрахом вариант перевода названия «Чужак»: ««Чужак» – мне не по душе. Есть противоречие (конечно, *voulez pas Camus*) между идиотским и хамоватым стилем рассказчика и строгим стилем авторского названия. «Чужак» слегка развязно, как то разговорно» (подчеркивание Адамовича. – О. Д.); в письме от 6 декабря сообщает о ходе работы и о своем варианте перевода названия – «Незнакомец»; в письмах от 20 и 21 декабря оговаривается количество экземпляров готового перевода, которое следует передать заказчику; книга под названием «Незнакомец» вышла в 1966 г. (Paris: Editions Victor); см. анализ перевода в статье Ю. Яхниной «Три Камю» (Яхнина s. a.: s. p); в статье перевод Адамовича сравнивается с переводами Н. Галь и Н. Немчиновой, опубликованными под одинаковым названием «Посторонний» в 1968 г. («Иностранная литература») и 1969 г. (М.: Прогресс) соответственно.

⁶² См., напр., письмо от 19 июля 1953 г.: «Я читал разные стихи, новые, и хотел бы на правах современного Белинского, довести до общего сведения, что Иваск вовсе не так плох (а главное – не так пуст) как создалось мнение. Не знаю, почему его запресизировали. Вероятно, началось с Маковского, который право мало что понимает».

⁶³ См. письмо от 11 декабря 1952 г.: «Я тут читаю Герцена и не перестаю удивляться, до чего он был умен и талантлив».

⁶⁴ См. упоминание Ахматовой в письмах от 3 февраля и 13 сентября 1965 г.; первое связано с публикацией в нью-йоркском альманахе «Воздушные пути» стихотворений Ахматовой «Нас четверо» и «Невидимка, двойник, пересмешник» (1965. № 3) и

К. Д. Бальмонт, А. А. Блок, И. А. Бунин, В. Н. Бунина, З. Н. Гиппиус, Н. С. Гумилев, Дон-Аминадо, Б. К. Зайцев, М. Кузмин, О. Э. Мандельштам, Д. С. Мережковский, А. М. Ремизов, В. В. Розанов, К. К. Случевский, Н. Тэффи, В. Ф. Ходасевич и др.

Среднее и младшее эмигрантские поколения представлены именами М. А. Алданова, Н. Н. Берберовой, В. С. Варшавского, В. В. Вейдле, А. С. Гингера, Л. Ф. Зурова, Г. В. Иванова, Ю. Иваска, В. В. Набокова (Сирина), И. В. Одоевцевой, Н. А. Оцупа, К. Д. Померанцева, Б. Ю. Поплавского⁶⁵, С. Ю. Прегель, А. С. Присмановой,

---

мемуарных текстов «Амедео Модильяни» и «Мандельштам» (1965. № 4), гонорар за которые издатель альманаха Р. Н. Гринберг ей задолжал, чем и был вызван упоминаемый Адамовичем во втором письме конфликт, ср.: «Газданов, будто бы по уговору с Ризером, просил меня что-то писать, раза два в месяц, нечто вроде “литературн<ого> дневника”. Первое я уже сочинил и вчера ему послал: о Мандельштаме, в связи с воспоминаниями Ахматовой в “Возд<ушных> Путях” и кое-чем другим, тоже новым. Кстати, видели Вы эти “Пути”? Я не сказал Одоевцевой, как она, т. е. Ахм<атова>, отзывается о Жорже Иванове, но “Триолешка” меня восхитила»; «Ахматова и Гринберг. Эпизод этот мне рассказывали в Париже, но в другой редакции. Гринберг мне звонил из Лондона, и узнав, что я должен с А<хматовой> увидеться, сказал: “знаете, это такой ужас!” Без объяснения, но было ясно, что что-то произошло. Напрасно Вы думаете, что я буду его защищать. И по Вашей версии, и по моей он хам и свинья. <...> Ахматова никогда дамой во всех отношениях приятной не была, а теперь стала резкой. Я ей это сказал, на что ответ был – “иначе нельзя, меня жизнь этому научила”. Верно жизнь – там, на Родине с большой буквы. Видел ли ее Вейдле? По моему нет. Мы говорили о многих, имени его она не произнесла. Но я не уверен, что он в это время был в Париже. Кажется, я Вам писал, что одно имя, от которого она лишь при упоминании бледнела от ярости – Серж Маковский; о реакции Ахматовой на публикации, конфликт с издателем и встречи с эмигрантами в 1965 г. см.: Чуковская 1997: 290–295, 454–457; ярость Ахматовой была вызвана опубликованными в 1950-е – нач. 1960-х гг. мемуарными книгами Маковского «Портреты современников» (Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1955; см.: Маковский 1955) и – особенно – «На Парнасе “Серебряного века”» (Мюнхен: Издательство ЦОПЭ, 1962) с главой, посвященной Гумилеву (см.: Маковский 1962).

⁶⁵ См., напр., письмо от 28 июля 1953 г., часть которого посвящена анализу первого номера нью-йоркского журнала «Опыты»: «“Опыты” отдают диллетантизмом, но не лишены свежести по сравнению с “Нов<ым> журналом”. Помимо всего, там есть Поплавский, который почти гениально-талантлив в каждой фразе. Я читал и ахал: не то, что “хорошо” в бунинском смысле, а как-то необыкновенно, будто действительно был среди нас Рэмбо и исчез»; ср. раздел о Поплавском в главе «Трое (Поплавский, Штейгер, Фельзен)» «Одиночества и свободы»: «Для него Артур Рэмбо был не менее дорог и близок, чем Пушкин, – потому, что он во Франции вырос, во Франции сложился, и ее веяниями был проникнут» (Адамович 2002: 272).

В. А. Смоленского, А. Л. Толстой, М. И. Цветаевой, Л. Д. Червинской, И. В. Чиннова и др.; кроме них, упоминаются критики и историки литературы М. Л. Слоним⁶⁶ и И. И. Тхоржевский⁶⁷.

Из известных советских авторов названы В. Ф. Панова, К. С. Симонов, А. И. Солженицын⁶⁸, Ал. Н. Толстой, К. А. Федин⁶⁹,

⁶⁶ См. письмо от 6 декабря 1966 г.: «Это тип “литературоведа” au courant всех новостей».

⁶⁷ См. письмо от 1 февраля 1950 г. с отзывом о книге И. И. Тхоржевского «Русская литература: 2 т.» (Париж: Издательство „Возрождение“, 1946), которой Адамович пользовался для подготовки к лекциям в университете Манчестера: «Как пособие, между прочим, Тхоржевский: не бездарно, вопреки тому, что я думал, но до чего легкомысленно и развязно! И мало чутья».

⁶⁸ В письме от 8 мая 1968 г. Адамович настоятельно рекомендует Бахраху прочесть «Раковый корпус», сравнивая роман и его автора с Л. Н. Толстым и Буниным и утверждая, что после Толстого в русской литературе не было ничего подобного этому роману и что Солженицын писатель намного лучший, чем Бунин; см. также статьи Адамовича «Солженицын» (Русская мысль. 1969. 20 марта), «Место Солженицына в русской литературе» (Русская мысль. 1974. 4 апреля; опубл. посмертно) и рецензии на «Раковый корпус» и «Август четырнадцатого» (Русская мысль. 1968. 29 мая; Русская мысль. 1971. 24 июня); см. также статью Адамовича « Une mise en garde : á propos d'un entretien » в: Nivat, Aucouturier 1971: 412–416.

⁶⁹ К. А. Федин упоминается в связи с его выступлением на Втором Всесоюзном съезде советских писателей, в котором он, в частности, заявил: «Недостало сил, уже будучи советским гражданином, вернуться домой Ивану Бунину – русскому классику рубежа двух столетий, который оставался реалистом и в прозе, и в поэзии той поры, когда господствовала мода на декаданс. Не следует, по моему мнению, отчуждать Бунина от русской литературы, и всё ценное из его творчества должно принадлежать русскому читателю так, как принадлежит лучшее из наследия Куприна» (курсив в цитируемом тексте. – О. Д.)» (цит. по: Бабореко 1956: 197); ср. письмо Алданова Адамовичу от 13 февраля 1955: «Вы, конечно, читали о московском заявлении Федина: Бунин стал советским гражданином! Это вызвало в эмиграции большой шум. Очень многие поверили! Вы удивитесь, если я Вам скажу, что эта история имела последствием (не очень, разумеется, важным и, надеюсь, лишь кратковременным) “холодок” у меня – одновременно с Верой Николаевной и Бор<исом> Зайцевым (вещь довольно редкая). С Верой Николаевной потому, что я два раза убедительно просил ее тотчас опровергнуть ложь Федина, а ей почему-то не хотелось это делать, и приводила она совершенно беспомощные доводы, даже тот, что у нее нет времени! Я просил ее об опровержении, конечно, из уважения к памяти Ивана Алексеевича (которого и в Ницце, и в Париже, и не враги уже начинали сравнивать с Ал<ексеем> Толстым), да еще из заботы об ее собственных интересах: “вдова не опровергает, значит это правда!” Она ответила мне довольно нелюбезно. С Зайцевым другое. <...> Об этом заявлении Федина он мне написал странно – и, по моему, с радостью: “Бунина Ф<един> назвал советским гражданином. Это неверно, но у каждого писателя свой облик и своя известность. Сомневаюсь, чтобы меня кто-нибудь назвал советским гражданином”!! Таким образом надо

М. А. Шолохов⁷⁰ и др.; из добившихся к тому времени признания молодых – Е. А. Евтушенко и А. А. Вознесенский⁷¹.

Едва ли не в каждом письме Адамович сообщает о своих «актуальных» литературных пристрастиях⁷², оценках новых авторов и переоценках старых, поддерживает, а нередко опровергает сложившуюся литературную иерархию имен и книг⁷³, что позволяет рассматривать его письма еще и как многолетний читательский «формуляр» поэта, критика и историка литературы, современника

сделать вывод, что у Ивана Алексеевича был большевистский облик и большевистская известность!!! И почему Бунину противопоставляется тут именно он, Б<орис> К<онстантинович>? Я не ответил, чтобы не поссориться» (BAR. Coll. Aldanov. Box 1).

⁷⁰ М. А. Шолохов упоминается в ряде писем 1965 г. в связи с присуждением ему Нобелевской премии по литературе.

⁷¹ Впервые Евтушенко упоминается в письме от 25 июня 1966 г.: он прислал Адамовичу свою книжку «с длиннейшим посланием на ней», в ответ Адамович, выполняя его просьбу, передал для него свой перевод романа А. Камю «Посторонний»; 1 июня 1967 г. Адамович сообщает: «Был у меня Евтушенко <...> могу только сказать, что он на редкость мил и приятен, притом талантлив в каждой фразе. Мне он чуть-чуть напоминает Поплавского»; продолжая тему, Адамович пишет 10 ноября 1967 г.: «Вот, как Вы кажется знаете, у меня слабость к Евтушенко (в противоположность Вознесенскому)»; см. также статью Адамовича о стихах Евтушенко: Новое русское слово. 1966. 4 сентября; 1967. 2 июля; Русская мысль. 1967. 9 ноября (в этой статье речь идет о поэзии Евтушенко и И. Бродского); последнее упоминание Евтушенко и Вознесенского см. в письме из Нью-Йорка от 18 ноября 1971 г.: «Вчера у меня был с почтительным визитом к мэтру Андрей Вознесенский, здесь гастролирующий. Я его прежде не знал. Ничего, мил, вежлив, очень не глуп. Но он подарил мне две своих книжки и читая их, я остаюсь при мнении, что мой любимец Женя Евт<ушенко> лучше и талантливее, хотя особенно изысканные эстетсы с этим и не согласны».

⁷² «Знаете ли Вы, кто моя последняя любовь в поэзии? Случевский. Стихи нескладные (не всегда), но что-то столь грустное и жуткое за стихами, что иногда и Анненский кажется сладким кисельком рядом. Если бы были слушатели, я бы с удовольствием прочел о нем лекцию в Париже» (письмо от 2 марта 1950 г.).

⁷³ См., напр., письма от 31 января и 11 февраля 1957 г.: «Щедрин. Ну, это разговор высоко литературный. По моему, это полу-писатель, хотя в этом “полу” бывает очень силен (“Головлевы” напоминают “Суходол”: хуже, но именно сильнее, резче)»; «Я читаю Щедрина, для своего курса, и поражаюсь, как пусто, как плохо и какая злоба, ничем не оправданная. А дурак-Горький писал: “глубже и сильнее Гоголя!” Гоголь рядом Монблан и душка, Салтыков прежде всего крайне противен и зубоскалит будто по обязанности. Ну, “Головлевы” – туда-сюда, но все остальное! А Ваш приятель Gide ведь тоже уверял, что это гениально. Даже Иудушка – на 3 ½, потому, что в сущности весь – в одной фразе Плюшкина: “против святого слова ведь не устоишь!” (на что Чичиков мысленно отвечает: “Ну, ты-то устоишь!”)».

многих авторов Серебряного века и европейского модернизма, читателя с очень тонким художественным чутьем и безупречным вкусом.

Имена писателей и названия их произведений встречаются в самых разных контекстах и могут быть обусловлены различными причинами, а в некоторых случаях – возникнуть и без очевидных причин. Иногда Адамович в режиме «а ргoгoс», нередко – в финале письма дает краткий отзыв о той или иной книге, как в случае с «Кружилихой» Пановой, ср.: «Я прочел очаровательный советский роман “Кружилиха” Пановой, советую взять у Каплана и прочесть. Эренбургу до нее как до звезды, да и не только ему, но и Пантелею⁷⁴, моему другу» (письмо от 9 августа 1948 г.; подчеркивание Адамовича. – О. Д.)⁷⁵. В других случаях имя «всплывает» по ассоциации, см., напр., письмо от 2 февраля 1952 г. из Манчестера, где Адамович в 1951–1960 гг. читал лекции по истории русской литературы: «Все таки спасибо за письмо, доставившее мне, как выражался Гоголь, “истинно-душевную радость”. Гоголя я теперь читаю, т. е. не Гоголя, а книгу Вересаева о нем⁷⁶ – целый клад и сокровище». Упоминание А. Н. Толстого в письме от 25 апреля 1952 г. основано на последовательно разворачиваемой тройной ассоциации «Элькан – Толстой – Иванов и Одоевцева», толчком к которой являются поведение и склад характера первой, с одной стороны, напоминающих Адамовичу чету Ивановых, с другой – соответствующих типу художественного дарования Толстого. Ассоциативный ряд словно описывает полный круг от Элькан к Толстому и Ивановым, а от них – обратно к Толстому и Элькан, ср.: «Неточка спрашивала, очень ли Вы на нее сердиты. Я ручался, что не очень. Она бедная, все что то крутит и вертит, причем мне

---

⁷⁴ Имеется в виду Б. Г. Пантелеймонов (1888–1950) – прозаик, инженер-химик, меценат; см. рецензии Адамовича на его романы «Зеленый шум» (Русские новости. 1947. 1 августа), «Звериный знак» (Русские новости. 1948. 9 июля) и «Золотое число» (Русские новости. 1949. 29 июля).

⁷⁵ См. также рецензию Адамовича на роман: Русские новости. 1948. 27 августа.

⁷⁶ Речь идет о книге В. В. Вересаева «Гоголь в жизни: систематический свод подлинных свидетельств современников» (М.; Л.: «Academia», 1933).

это всегда жалко видеть, по моему мягкосердечию. Ее хорошо бы описал Ал. Толстой, который на таких восторженных мошенниц был великий мастер (кстати, он как никто изобразил бы и чету Ивановых)». В письме от 24 февраля 1954 г. ассоциация держится не на литературных фактах или специфике личности, а на грядущих переменах в жизни Бахраха: «Вижу, что одной ногой Вы уже в Канаде, а насчет того, что еще возможны всякие “сюрпрайз”, то об этом я как раз читаю сейчас книгу Алданова “Ульмская ночь”: все в жизни есть случай! Кстати, книга очень интересна, но не для Вас, а для любителей чтения серьезного» (подчеркивание Адамовича. – О. Д.)⁷⁷.

В письмах, написанных в годы сотрудничества в «Русских новостях», оценки диктовались необходимостью принять к печати или отвергнуть присланные в редакцию тексты, ср.: «Насчет Симонова Вы и правы и не правы. Конечно, он в стихах дитя, но и наши притворяются Спинозами без оснований. Кстати, он умный человек и сам о своих стихах все знает (почти все)» (письмо от 10 сентября 1946 г.). «Стихи Богаевского – дрянь, согласен. Но это имя новое, печатать надо в порядке поощрения ростков. А стихи Струве, присланные Бродским – то же дрянь, притом в поливке уже не нуждающаяся. Пожалуйста, поддерживайте круговую поруку и не кричите всем, что дрянь. Знаю по опыту, что никто ничего не понимает – и можно любую дрянь выдать за шедевр. Сейчас я сижу (изучаю) над стихами Эм. Рейса – нечто очень путаное и странное, скорей с прелестью, чем с талантом <...>. Вообще я хочу свободы и покоя» (письмо от 1 сентября 1947 г.). «Гингера я заменяю, а жаль! Он прелестен и талантлив до краски зависти при чтении, что по Гумилеву верный признак удачи. Я хотел послать Мамченку, но перечтя представил себе Суворова, этот бред читающего, и не послал. Мамченко впрочем Ваш protege, Вы его и отстаивайте! Но что за хаос в его бедной и возвышенной голове!» (письмо от 9 октября 1948 г.). «А сегодня я получил письмо от Чиннова и стишки – неожиданно прелестные. Я даже расчувствовался, читая

---

⁷⁷ См. рецензию Адамовича на роман: Новое русское слово. 1954. 4 апреля.

их: в этом пузыре что то есть, несмотря на потные руки» (письмо от 3 сентября 1949 г.)⁷⁸.

В значительном количестве писем оценки носят выражено полемический характер⁷⁹, причем Адамович полемизирует не только с адресатом, но и с автором книги или статьи, становящихся предметом полемики, нередко – заочно, иногда – сквозь время, а случается – и «сквозь смерть», как, например, отзываясь об изданной Берберовой книге статей Ходасевича: «Ходасевич – новая книга, т. е. сборник старых статей⁸⁰, с предисловием Ninon, утверждает 1) что в “Горе от ума” нет следа поэзии, и что Грибоедов был поэтически бездарен 2) что Богданович много лучше Лафонтэна. Я возмутился и написал кое-что об этом для “Н<ового> Р<усского> С<лова>”⁸¹. Ну, пусть – “Г<оре> от ума”, но Богданович и Лафонтэн!! Думаю, что он Лафонтэна не читал. А дура-Берб<ерова> пишет в предисловии, что “все талантливое группировалось вокруг Х<одасеви>-ча”. Группировалась, собственно, она одна, да еще Смоленский. Но кое-что у Ходасевича очень хорошо (паралель – <sic! – О. Д.> Пушкин-Тютчев, и о Державине)» (письмо от 14 ноября 1954 г.).

Полемика может разворачиваться во времени, актуализируя хранящиеся в свернутом виде в памяти тексты (свои и чужие) и события многолетней давности, в результате чего письмо или его фрагмент превращается в многоуровневый вербальный и историко-культурный палимпсест, состоящий из плотно спрессованных цитатных слоев различного типа. См., напр., начинающее «набоковский сюжет» письмо от 20 июля 1952 г., в котором Адамович полемизирует с Г. С. Евангуловым и Ю. К. Терапиано (заочно): «Не дошел ли до Вас сборник стихов

---

⁷⁸ Подробнее об истории отношений Адамовича и Чиннова см.: Демидова 2015: 293–304.

⁷⁹ Впрочем, иногда мнения Бахраха и Адамовича совпадают, см., напр., письмо от 25 января 1967 г.: «Насчет зайцевской патоки о Верах вполне с Вами согласен. Под конец к тому же не без ехидства. Вера Николаевна <Булнина. – О. Д.> когда-то расшифровала его инициалы: “Божья Коровка Злая”».

⁸⁰ Имеется в виду издание: Ходасевич В. Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1954.

⁸¹ Адамович Г. На полях книги Ходасевича. – Новое русское слово. 1954. 21 ноября.

Сирина⁸²? Евангулов написал о нем идиотски-высокомерно. Это блестящее хамство, но все таки блестящее, а местами (редко) и самая настоящая поэзия. Терапиано тоже фыркает, а в одной сиринской строчке все таки больше таланта, чем во всех парижских потугах (кроме конечно Игоря Владимировича)⁸³. Впоследствии Адамович развернул пассаж о стихах Набокова в посвященной ему главе «Одиночества и свободы», ср.: «Несколько слов о стихах Набокова. Он, несомненно, единственный в эмиграции подлинный поэт, который учился и чему-то научился у Пастернака. <...> Некоторые из сравнительно ранних набоковских стихов звучат настолько по-пастернаковски, что иллюзия возникает полная. <...> У него, на мой слух, меньше романтической музыки, чем у Пастернака. <...> Его вдохновение не силится подняться над словом, а наоборот, с упоением в нем утопает: он ворожит, бормочет, приговаривает, заговаривает и все дальше уходит от того, что можно бы назвать поэтическим чудом, от двух-трех волшебного светящихся строк, к которым нечего прибавить, в которых нечего объяснять. <...> Однако, Набоков – поэт прирожденный, и это сказывается даже в поисках. Некоторые стихи его прекрасны в полном значении слова» (Адамович 2002: 218, 221, 222, 223). Через много лет, в письме от 27 декабря 1964 г., являющемся, как указывает Адамович, ответом на письмо Бахраха от 20 декабря, вновь возникает имя Набокова, ср.: «Набоков счел Ходасевича “величайшим поэтом XX века”!⁸⁴ Это меня удивляет. Едва ли тут “кукушка и петух”, хотя он верно

---

⁸² Вероятно, имеется в виду сборник Набокова «Стихотворения 1929 – 1951» (Париж: Рифма, 1952); см. посвященные ему две части статьи Адамовича «По поводу стихов Влад. Набокова» (Новое русское слово. 1953. 29 марта; 26 апреля).

⁸³ Имеется в виду И. В. Чиннов.

⁸⁴ Вероятно, Адамович откликается на утверждение в статье Бахраха, написанной для мюнхенского альманаха «Мосты» (возможно, этот пассаж Бахрах процитировал в письме Адамовичу от 20 декабря, ср.: «Не меньшее удивление может вызвать тот факт, что Набоков, очень свысока относящийся ко всем русским поэтам, кроме Пушкина и, пожалуй, Тютчева, заявляет в своих комментариях [к англ. переводу “Евгения Онегина”] <скобки – в тексте письма. – О. Д.>, что “нынешнее столетие не выдвинуло пока ни одного поэта, превосходящего Владислава Ходасевича” (Мосты. 1965. № 11. С. 242–243); в письме от 2 мая 1965 г. Адамович сообщал: «Читал я и Вас (“с удовольствием”) в “Мостах”. О Набокове Вы написали мягче, чем я думал (особенно вспомнив рецензию

помнит, что Х<одасевич> его превозносил⁸⁵, когда все его ругали (Зин<аида> Гиппиус – “юлю в литературе”, Г. Иванов – “кухаркин сын” и т. д.)⁸⁶. Х<одасевич> конечно хороший поэт, но в рамках и пределах, твердо чувствующихся. У самого Набокова есть строчки – правда, только строчки – которые идут дальше и выше его. Какую Вы собираетесь пустить в связи с этим шпильку в “Мостах”? Это меня интересует, напишите. По части шпилек сам Х<одасевич> был непревзойденный мастер». В следующем письме, от 18 января 1965 г., продолжая полемику с Бахрахом и – опосредованно – с Набоковым, Адамович по ассоциации вспоминает набоковскую мистификацию, жертвой которой ему пришлось стать в 1930-е гг.: «А насчет того, что у Набокова есть строчки, которых не написать бы Ходасевичу: у него были стихи в “Совр<еменных> Зап<исках>”, еще до войны, где что-то было о “фосфорных рифмах последних стихов”, за подписью Б. Житкова. Меня это стихотворение поразило, я о нем написал в “Посл<едних> Н<овостях>”, спрашивая и недоумевая: кто это Житков? – и не зная, что это Набоков. Конечно, в целом Ход<асевич> больше поэт, чем он. Но у Наб<окова> есть *pointes*, идущие дальше, по общей, большей талантливости его натуры». Речь в этом пассаже идет о стихотворениях Набокова “Поэты” и “К России”, опубликованных в «Современных записках» (1939. Кн. 69, 70) под псевдонимом «Василий Шишков», как вспоминал впоследствии Набоков в комментарии к «Поэтам», «с целью пой-

---

на его “Онегина” в Н<овом> Ж<урнале>»); имеется в виду далеко не комплиментарная рецензия американского слависта М. Фридберга (см.: Фридберг 1964: 297–300).

⁸⁵ Ходасевич был одним из самых ранних ценителей творчества Набокова и неизменно высоко отзывался о нем, см., напр., статьи «Камера obscura» (Возрождение. 1934. 3 мая), «О Сирине» (Возрождение. 1937. 13 февраля); подробнее об истории отношений и взаимных печатных отзывов Набокова и Ходасевича см.: Малмстад 1991: 277–91.

⁸⁶ Адамович вспоминает о т. н. литературной войне Набокова и журнала «Числа». В первом номере журнала была помещена резкая рец. Г. Иванова на романы Набокова (см.: Иванов 1930: 233–236), в которой рецензент назвал Набокова самозванцем, кухаркиным сыном, черной костью, смердом (см.: Там же: 235). Рецензия вызвала широкий отклик в парижских литературных кругах, возмущив многих своей грубостью; З. Н. Гиппиус вступилась за Иванова, напомнив читателям о жестких полемических правилах, царивших в русской журналистике рубежа веков, см.: Крайни<й>: 148–154; подробнее об этом эпизоде см., напр.: Мельников 1996: 73–82.

мать в ловушку знаменитого критика. <...> Уловка удалась: в своем недельном отчете он с таким энтузиазмом приветствовал появление “таинственного нового поэта”, что я не мог удержаться от того, чтобы не продлить шутку, описав мои встречи с несуществующим Шишковым в рассказе, в котором, среди прочего изюма, был критический разбор самого стихотворения и похвал Адамовича» (Набоков 1979: 319)⁸⁷. Ср. пассаж главы о Набокове из «Одиночества и свободы» («Достаточно было бы одного такого стихотворения, как “Поэты” или “Отвяжись, я тебя умоляю...” <...>. Как все хорошо в них! Как удивительно хороши эти “фосфорные рифмы” с “последним чуть зримым сияньем России” на них!». – Адамович 2002: 223), свидетельствующий о том, что Адамович использовал текст своей статьи 1939 г. при работе над книгой, но за истекшие со времени ее выхода десять лет забыл вымышленное имя автора стихов и название второго стихотворения «К России», хотя абсолютно точно процитировал его первую строку и последнюю строку второго катрена «Поэтов», поразившую его без малого тридцать лет назад.

Кроме рассуждения, касающегося стихов Набокова, в письме от 27 декабря 1964 г. есть еще одно полемическое замечание, адресованное Бахраху, сделанное как будто «мимоходом», но при этом актуализирующее несколько уровней историко-культурного текста и требующее основательного герменевтического прочтения «вглубь»: «Насчет Эдгара По Вы ошиблись. Я его люблю, но a traverse Baudelaire⁸⁸, и даже помню о нем фразу Бальмонта: “самый звездный из заблудившихся на земле трубадуров вечности”⁸⁹. Речь в этом

---

⁸⁷ Упомянутую Адамовичем рецензию см.: Последние новости. 1939. 17 августа; рассказ Набокова «Василий Шишков» был опубликован в «Последних новостях» от 12 сентября, реакция Адамовича на него – в той же газете от 22 сентября 1939.

⁸⁸ Вероятно, Адамович прежде всего имеет в виду статьи Бодлера о По «Edgar Allan Poe: sa vie et ses ouvrages» (1852) и «Notes Nouvelles sur Edgar Poe» (1857), весьма далекие от оригинала переводы которых публиковались в России в 1852 и 1856 гг. в «Пантеоне» (№ 9. Отд. III. С. 1–34) и «Сыне отечества» (№ 14. Июль. С. 21, 33–36) соответственно, и/или издание: Бодлер 1910; не исключено, что он читал рассказы По во французских переводах Бодлера.

⁸⁹ Адамович цитирует фразу из предисловия Бальмонта к третьему изданию его переводов Э. По, ср.: «В дополнение к 5 томам произведений Эдгара По, я готовлю

пассаже идет прежде всего об истории восприятия творчества Э. По во Франции, опосредовавшего его восприятие в России; во-вторых – о сопоставительной истории французского и русского декадентства и символизма; в-третьих – о Ш. Бодлере как о переводчике прозы По и пропагандисте его творчества во Франции и о переводчике его поэзии К. Д. Бальмонте, создавшем в России культ американского автора, восходящий к его французскому культу, основоположником которого был Бодлер; наконец, о влиянии текстов и образа По на французскую и русскую литературу и культуру 1850-х – 1910-х гг. в целом⁹⁰. Иными словами, в двух предложениях оказываются «зашифрованными» события нескольких десятилетий и более чем полувековая история литературных связей трех стран, запечатленная в текстах, часть из которых входила в круг юношеского чтения Адамовича и запомнилась ему навсегда.

Иногда исходное выражение согласия с адресатом перерастает в развернутый полемический фрагмент как литературно-критического, так и философского характера, занимающий большую часть письма, ср.: «С Расином у нас совпадение: я тоже его читал, т. к. написал статейку о Винавере⁹¹ и по цитатам вошел во вкус. Кстати, в статейке есть кое-какие мысли о нем, намеком только, которые я хотел бы, чтобы Вы прочли. Но это потом, un jour ou l'autre. А вообще то должен вам сказать (вопреки статье), что что-то остается для меня в Расине неприемлемо, и очевидно во мне больше “русскости”, чем в Вас. Пушкин написал о нем чепуху, но что-то все таки у него не то, на русский слух. Но вот впечатление “за”, а не “против”: сразу после “Федры”, в тот же вечер, я взялся читать

подробное исследование, посвященное жизни и творчеству любимого моего песнопевца, самого звездного из заблудившихся на земле трубадуров Вечности (Бальмонт 1911: VIII; выражаю искреннюю признательность А. Я. Липидус за эти сведения. – О. Д.); вероятнее всего, именно по этому изданию юный Адамович знакомился с русскими переводами По.

⁹⁰ Подробнее об этом с полной историей и литературой вопроса и с сопоставительным анализом английских, французских и русских текстов см.: Гроссман 1998.

⁹¹ Речь идет о статье Адамовича «Расин и Россия» (Новое русское слово. 1952. 9 марта), являющейся откликом на книгу Е. М. Винавера «Racine et la poésie tragique : essai» (см.: Vinaver 1951).

“Горе от ума”, по долгу службы, чтобы кое-что вспомнить: нельзя читать, это рядом с Расином такое мелкое и суетное говно, что стыдно за русские восторги перед Грибоедовым! Я знаю хорошо, что впечатление случайно, что в “Горе от ума” – тысяча достоинств, но падение после той бледной и действительно царственной грусти в это московское болото – удручительно.

А относительно Жида Вы робко намекаете на то, что у него уязвимо. Когда я Вам об этом говорил, Вы кипятились, явно от того чтобы висящий у Вас на стене портрет имел больше цены и весу. Но с Жидом в конце концов многое “не того”, и другого порядка, чем с Расином. Единственное (и вполне возможное) оправдание – что он все свои желания и стремления хотел сделать всем открытыми, чтобы не рисоваться ни в чем решительно, чтобы его судили каким он был. Если это так, тут есть почти героическая откровенность. М. б. это и в самом деле так, не знаю. Он был достаточно умен, чтобы не понимать глубокой мелочности многого, что он о себе рассказал (напр. слез по поводу сожженных женой писем). Но м. б. он ничего не хотел скрыть, даже то, что его репутации вредило, – не непристойности, а именно мелочности. Если так, то в этом есть почти grandeur.

Но я не вполне уверен, что это так, и кстати, сейчас вспомнил его давний, ужасный (и вероятно вполне простодушный) рассказ, как он сел с Уайльдом в кафэ спиной к улице, чтобы его в такой компании не видел никто. <...> Даже факт издания всяких писем и дневников Жида можно подвести под то же объяснение: хочется, – значит незачем скрывать! Но плохо, что “хотелось”. Толстому не хотелось»⁹² (письмо от 8 марта 1952 г., подчеркивание Адамовича).

В письме от 10 мая 1953 г. упоминание о Жиде связано с оценкой Бунина и вызвано ассоциацией с отношением Жида к А. Франсу, возникшей у Адамовича во время чтения вышедших в 1953 г. в издательстве им. Чехова двух сборников бунинской прозы: «Весной,

---

⁹² См. некрологическую статью Адамовича «Андрэ Жид» (Новое русское слово. 1951. 11 марта); см. также «Table Talk, II», содержащий фрагменты о Жиде, Достоевском, Алданове, Блоке, Анненском и др. (Новый журнал. 1961. № 66. С. 85–98).

в Иудее. Роза Иерихона» и «Митина любовь. Солнечный удар»⁹³: «Я читал все время два томика Бунина, недавно вышедшие, со всеми его шедеврами. Хорошо, – но плохо поддается перечитыванию: т. е. все сразу было понято и оценено, нет подводных течений, нет той *renombre*, за отсутствие которой Жид не любил Ан. Франса. Хорошо, – и хочется поставить книгу на полку, *il n'y a rien qui traîne après*. Но это – строжайше между нами, даже для друзей и знакомых, которые таких еретических суждений знать не должны. Впрочем, все знают это сами, но я всегда громогласно упорствую, что И<ван> А<лексеевич> – последний великий писатель»⁹⁴.

Встречаются в эпистолярной беседе и юмористические оценочные прогнозы сослагательного характера, напоминающие игру в предсказания. Самый выразительный из них предложен Адамовичем в письме от 27 июня 1967 г. и касается атмосферы на мюнхенском радио «Свобода» и обсуждаемых в режиме иронической ретроспекции предполагаемых карьерных возможностей русских писателей Золотого и Серебряного веков на радиостанции, где в это время служил Бахрах, судя по реакции Адамовича в ответных письмах, регулярно жаловавшийся ему на царившие в Мюнхене нравы⁹⁵. Непосредственным поводом для прогноза послужило, вероятно, сообщение Бахраха о том, что И. Одоевцевой удалось немного заработать на «Свободе», вызвавшее удивление Адамовича, убежденного в том, что она – дама «не станционная», и по ассоциации вспомнившего о разговоре с Червинской, за несколько лет до письма возмущавшейся тем, что ей не удалось стать штатным сотрудником станции, ср.: «Я когда-то говорил Червинской <...>, что если бы на станцию взяли Блока, то он в почете не был бы, а Льва Толстого выгнали бы после первого скрипта <...>. Вот Пушкин мог бы процвести и даже стать во главе отдела».

---

⁹³ См. рецензию Адамовича «Читая Бунина» (Новое русское слово. 1953. 31 мая).

⁹⁴ Ср. оценки Адамовичем прозы Бунина в письмах к нему 1930-х – 1950-х гг. в: Бунин 2004: 35, 101–102, 108; см. также написанный Адамовичем некролог: Новое русское слово. 1953. 17 ноября.

⁹⁵ См. письмо от 29 января 1962 г.: «Почему-то мне кажется, что Вам совсем осточертел Мюнхен».

Примечательно, что к подобного рода прогнозам был склонен не только Адамович – в письме от 14 декабря 1964 г. он сообщает Бахраху, что «Володя Варшавский беспокоится за кого бы голосовал Достоевский, неужели за Голдвотера?!»⁹⁶

Цитатность, закрепившаяся в литературе и эпистолярной эмиграции как один из структурообразующих семиотических кодов сообщества в целом, в письмах Адамовича обретает статус приема, едва ли не стилистического тропа, во многих случаях «запускающего» литературную игру, способность участвовать в которой свидетельствует о принадлежности к литературному сообществу, отделяя «своих» от «чужих». См., напр., письма от 2 и 29 февраля 1952 г.: «(Кстати, насчет “а он мятежный...” – что это Вы в шутку спрашиваете “откуда”? А знаете ли Вы откуда “Мой дядя самых честных правил”?)»; «А по поводу “Мятежно ищет бури” – оставим до личной встречи. Я хочу раньше пощупать Ваш пульс и видеть, не свести ли Вас к доктору. Не напишу, чье это и откуда, нарочно. Если бы я обнаружил здесь столь энциклопедическое невежество, меня бы выгнали из Университета».

Этой коллизии созвучен эпизод, воссозданный в письме от 11 августа 1952 г. из Ниццы: «Недавно здесь появилась чета Рубинштейнов, живущая около Vence. Я ездил к ним завтракать, а потом они привезли меня в Ниццу и по дороге так ругались, что я чуть не выпрыгнул в окно. Между прочим – *et ceci est super-entre-pous* – он спросил меня, не знаю ли я рассказа Толстого “Путешествие в Арзрум” – и видя на моем лице недоумение добавил: – Есть у кого-то другое “Путешествие в Арзрум”... не помню у кого... что-то такое есть... но нет, я спрашиваю о Толстом! Я от смущения что-то помычал, и разговор на этом кончился. У Толстого есть путешествие

---

⁹⁶ Речь идет о прошедших в США в ноябре 1965 г. президентских выборах, на которых республиканец Б. Голдуотер потерпел поражение, уступив демократу Л. Джонсону, победившему в 44 из 50 штатов и набравшему 61,1 % голосов. Возможно, поводом для размышлений Варшавского послужило, с одной стороны, намерение Голдуотера упразднить созданные в 1930-х гг. Ф. Рузвельтом программы социального страхования, с другой – высказанные в ходе предвыборной кампании Линденом обвинения в том, что Голдуотер ввергнет США в ядерную войну с СССР.

в Арзамас, а называется его рассказ даже не так, а “Записки сумасшедшего”. Но как Вам нравится наш *fin lettre*?!»

Принципы и специфика эпистолярного цитирования у Адамовича вполне заслуживают отдельного исследования систематизирующего характера, посвященного типологическим инвариантам его цитаций, которые можно выделить, опираясь на различные критерии: авторства (свой⁹⁷ – чужие тексты), жанра и вида цитируемого текста (поэтические, прозаические, публицистические, мемуарные, эпистолярные, научные⁹⁸, литературно-бытовые, общекультурные)⁹⁹, вида цитаты и принципа цитирования (прямое, аллюзивное, ассоциативное, контаминированное и пр.), хронологический, этнокультурный, языковой (на русском или иностранном языке), телеологический и связанный с ним стилистический, (авто)биографический (соотносящий цитируемый текст с жизненными обстоятельствами автора и/или адресата письма или других лиц) и даже статистический (частотность цитации)¹⁰⁰. Адамович цитирует поэзию и прозу отечественных

---

⁹⁷ В некоторых случаях Адамович цитирует собственные стихи, см., напр., финал письма от 10 августа 1966 г.: «До свидания, cher ami, “Друг моих снов, моего забвения” (это, насколько я помню, цитата из самого себя, и это были не плохие стихи); цитируется стихотворение «Ночь, и к чему говорить о любви?» (1947).

⁹⁸ Так, в письме от 14 февраля 1955 г. Адамович подробно излагает мнения английских исследователей по поводу теории локальных цивилизаций А. Тойнби.

⁹⁹ В письме от 25 ноября 1953 г. «вагнерианец» Адамович просит Бахраха при встрече или в телефонном разговоре спросить одного из коллег по редакции «Русских новостей» «то, что Брунгильда спрашивает Вотана», отсылая к третьему акту «Валькирии» – второй части тетралогии «Кольцо нибелунга», торжественного сценического представления для трех дней и предвечерия на музыку и слова Р. Вагнера и завершая просьбу вопросом: «Неужели я так провинился, что и прощения мне нет?»; вероятно, имеется в виду вопрос Брунгильды «Неужели, отец, отверг ты меня?» (Вагнер 1900: 33).

¹⁰⁰ Пожалуй, к самым частотным относятся толстовское сокращение «е. б. ж.», превратившееся в устойчивый троп, и строка из «Каменщика» В. Я. Брюсова (1901): «Знаем все сами, молчи», неизменно цитируемая неверно: «Сами все знаем, молчи»; первое стилистически нейтрально и употребляется во всех случаях, когда речь идет о близких или дальних планах, вторая имеет явную ироническую окраску и цитируется (преимущественно неточно), когда дело касается предсказуемой в своей непредсказуемости Червинской и/или произведений некоторых авторов, эстетически чуждых Адамовичу, см., напр., отзыв об Алданове в письме от 14 ноября 1954 г.: «Я его

(русских, советских и эмигрантских литераторов) и иностранных авторов от XVII века до современности, критические и историко-литературные статьи, различные *mots*¹⁰¹ и крылатые фразы, мемуары и письма¹⁰², отсылает к известным литературно-бытовым коллизиям¹⁰³ и фактам писательских биографий. Зачастую он по забывчивости или намеренно искажает оригинальные тексты¹⁰⁴, сокращает, контаминирует и перифразирует их¹⁰⁵, указывает имя автора¹⁰⁶, опускает его или представляет аллюзивно-описательно, иногда дополняя описание не вполне обязательной подсказкой¹⁰⁷. Он использует цитирование для (вос)создания настроения или атмосферы¹⁰⁸, введения новой темы, характеристики – нередко

всегда от всех защищаю и удивляюсь, сколько о нем злословят. Даже литературно: ну, да, “сами все знаем” – но чем Газданов и К, его презирающие, лучше?».

¹⁰¹ В письме от 18 января Адамович цитирует когда-то поразившую фразу Прегель «Сталина я вам дарю, но Ленина я обожаю».

¹⁰² См., напр., письмо от 27 декабря 1964 г.: «До свидания, ангел души моей, как писал мне Штейгер».

¹⁰³ Например, не единожды упоминает о резко негативной реакции Гиппиус на словечко «так» в значении «просто так, без причины», см., напр., письмо от 3 февраля 1965 г.: «“Так” – объяснение, приводившее в ярость Зинаиду Гиппиус (“Что значит: так?”)».

¹⁰⁴ См. финал письма от 19 июня 1966 г.: «А остальное – между строк и само собой ясно. “Трустно жить на свете, господа”. (У Гоголя, кажется, “скучно”»).

¹⁰⁵ См., напр., письмо от 14 февраля 1955 г.: «Учитесь жертвовать собой”, если перефразировать Пушкина. Как видите, я стал в одиночестве Бен-Акибой, и все Вас поучаю».

¹⁰⁶ В письме от 9 октября 1949 г., возмущаясь тем, что редакция «Русских новостей» отвергла одну из его статей, Адамович апеллирует к известному имени: «А ответить я могу как Розанов: “согласен, я бездарен, но тема то моя талантлива”».

¹⁰⁷ См., напр., письмо от 11 декабря 1952 г., в котором после пожелания Бахраху счастья в браке Адамович пишет: «На свете счастья нет...», как заметил Ваш любимый поэт. Но в его время люди были еще очень требовательны».

¹⁰⁸ Так, для характеристики любимой им Ниццы Адамович неизменно цитирует первую строку стихотворения Тютчева «О, этот юг, о, эта Ницца» (1864), заменяя «юг» на «свет»; в письме от 17 ноября 1953 г. строка из стихотворения Тютчева «Глядел я, стоя над Невой...» (1844) цитируется как будто по ассоциации от противоположного – тьмы в Манчестере, ср.: «Сегодня здесь было нечто столь удивительное, как <sic! – О. Д.> я никогда в жизни не видел: с 12 до 3 дня была полная, абсолютная тьма, как глубокой ночью, при том без особого тумана. Даже для Манчестера это была будто бы большая редкость. Не думайте, что я пишу “тьма” более или менее относительно. Нет, темнее, чернее быть не может. И я вспомнил Тютчева, т. е. о том, что сейчас где нибудь “на

иронической – персонажей¹⁰⁹, как эпитафия¹¹⁰, как зачин письма¹¹¹ или как его финал, прямо или от противного подводящий итог сказанному¹¹².

Минимальный объем цитации – слово, отсылающее к известному классическому тексту, например, используемое как утешительный аргумент в письме от 16 мая 1956 г. дважды повторенное заковыченное «образуется», безошибочно соотносимое с известным эпизодом утреннего разговора Стивы Облонского с камердинером Матвеем¹¹³. Следующий уровень – сокращенная до двух слов

солнце пламенеет роскошной Генуи залив...», однако по существу ассоциация здесь более сложная, отсылающая не только к традиционному поэтическому противопоставлению мрачного севера и сияющего светом юга, но и к устойчивому для эмигрантской литературы и мемуаристики образу Петербурга и петербургского тумана.

¹⁰⁹ См., напр., письмо от 3 сентября 1949 г.: «Алданава вижу довольно часто, он грустен, вежлив и мил, как впрочем Вы знаете сами. Я ему рассказал что Тучных был с Вами tout sucre, он печально покачал головой и сказал: “Яков Моисеевич – прекрасный и сердечный человек”. Немножко из Гоголя, правда? Читаю рукопись Шайкевича о Сереже, наконец мне доставленную. Что было за перо у этого человека! (Это по ассоциации с Гоголем)»; в письме от 30 декабря 1951 г. Адамович описывает визит к Буниным: «Вчера обедал у Буниных. Он сидел за столом, и чтоб меня раздражать, бранил Некрасова. Но был, – цитируя того же Некрасова – “элегантен и мил”»; в письме от 26–28 марта 1953 г. сопоставляет «сюрреалистические» сновидения жены Я. Б. Полонского с рассказами прозаика Н. В. Кодрянской, близкого друга А. М. Ремизова: «Обедал у Любочки Полонской, которая рассказывала мне свои сны, требуя их истолкования. А сны вроде сказок Кодрянской: вижу, идет палка, и вдруг эта палка стала вороной – et ainsi de suite»; Адамович ссылается на рассказ Кодрянской «Деревянная палка», отчасти контаминируя его с рассказом «Земля Русская» на уровне мотива превращения (см.: Ковчег 1942: 81–87; Новый журнал. 1942. № 1. С. 177–182; переиздание: Демидова 2003: 318–328).

¹¹⁰ Недатированному письму лета 1948 г. вместо датировки предпослан эпитафия: «Пятница, а числа не помню».

¹¹¹ См., напр., начало письма от 8 августа 1951 г. с двойной цитацией: «Надеюсь, что Вы образумились и из дальних странствий уже возвратились. Пора, мой друг, пора».

¹¹² См., напр., финал письма от 21 мая 1952 г., в котором Адамович благодарит Бахраха за соболезнования в связи со смертью сестры-инвалида, О. В. Адамович, долгие годы бывшей на попечении брата: «Простите, если письмо сухое. Le style n'est pas toujours l'homme».

¹¹³ См.: «Анна Каренина». Часть первая. Глава II; ср. письмо Адамовича: «Очень сочувствую, что Флоренция n'a rien donne, а так же ничего не предвидится другого. Но все “образуется”, а Вы по природе и сущности человек благополучный, так что я не очень за Вас тревожусь. Конечно, как “образуется” – не предвижу».

фраза, см., напр., письмо от 14 ноября 1954 г.: «Написали ли Вы Алданову? Напишите, и не потому, что “собака дворника”, а потому, что пригодится и он правда человек редкий по доброжелательной услужливости».

В некоторых случаях цитация оставляет определенное пространство для неоднозначного истолкования, как, напр., в финале первого письма, завершающегося строками из известного стихотворения М. Кузмина «Среди ночных и долгих бдений...» из цикла «III. ***» (1915): «От души желаю Вам всего, что теперь можно желать, а по Вашему молодому возрасту, в придачу к этому, и немножко развлечений, похожих на счастье. Без этого *la vie n'est pas viable*. Кстати, мне почему то вспомнились две строки, которые мне когда то очень нравились:

...Быть может, это не любовь,
Но так похоже на блаженство».

Еще один случай заложенной автором в текст письма неоднозначности толкования – в письме от 24 июля 1951 г., периода самых напряженных усилий разных кругов и сложных переговоров по поводу создания в Париже новой газеты, в которых Адамович принимал активное участие, с течением времени все более теряя надежду на благополучный исход предприятия. «Деятельность я развиваю бешеную, но “сулит мне труд и горе...”», – пишет он, отсылая адресата к пушкинской «Элегии» (1830) и намеренно опуская следующую строку («Грядущего волнуемое море...») для усиления иронического по тональности эффекта *suspense*, сквозь который явно проступает грядущий эффект обманутых ожиданий.

Дважды, в письмах от 3 октября 1953 г. и 19 мая 1966 г., цитата отсылает к истории отношений Бахраха с Цветаевой, героем одного из «эпистолярных романов» которой он был в начале 1920-х гг.¹¹⁴ В обоих случаях цитируется посвященная К. Родзевичу «Попытка ревности» (1924); следующая сразу за обращением цитация

---

¹¹⁴ Подробнее см.: Саакянц 1997: 305–360; письма Цветаевой к Бахраху см.: Цветаева 1995: 557–638.

представляет собой свободную контаминацию фразы «Как живется вам», начинающей первый стих первого катрена и рефреном повторяющейся в нескольких последующих, и начала второго стиха восьмого катрена. В письме 1953 г. цитата не закавычена, и за нею следует одна из самых частотных у Адамовича французских фраз, ср.: «Как живется Вам и можется? Et ainsi de suite», которая в данном контексте может быть истолкована по-разному: и как фигура речи, предполагающая стандартные уточняющие этикетные формулы, следующие после подобного вопроса; и как отсылка к полному тексту стихотворения; и как намек на жизненную коллизию тридцатилетней давности. Цитация в письме 1966 г. представляет собой частично закавыченный (и при этом неточный!) двухчастный парафраз, сопровождающийся уточнением, задающим вполне определенный ракурс восприятия, ср.: «Как живете и “как Вам можется”, по Цветаевой, Вашей любимице?»

Богатство стилистической палитры писем Бахраху существенно отличает их тональность от ровного, в пределах двух-трех регистров, тона сохранившихся посланий Адамовича другим адресатам¹¹⁵, а свойственные письмам всепроникающая беззлобная ироничность, во многих случаях маскирующая искреннюю привязанность¹¹⁶, легкость перехода из одного стилистического регистра в другой, дружеская интимность и раскрепощенность, иногда – с оттенком гривуазности на грани легкой скабрзности¹¹⁷, свидетельствуют о

---

¹¹⁵ Тональность писем Алданову, Буниным, Гиппиус, Полякову сочувственно-понимающе-уважительная, иногда – слегка ироническая, при этом Адамович почти никогда не поддерживает предлагаемого Буниным грубовато-эпатажного тона, неизменно оставаясь в рамках приличий; тон писем Яновскому – грубовато-иронический, соответствующий манере и стилистике писем адресата; писем Червинской – сочувственный, в некоторых случаях – с плохо скрываемым раздражением, когда речь идет об анализе стихов – слегка наставнический.

¹¹⁶ См., напр., письмо от 28 июля 1953 г., в котором серьезность выражения привязанности как будто «снимается» иронической уступкой: «Я Вас честное слово очень люблю, не знаю за что».

¹¹⁷ См., напр., письма от 25 июля 1947 г., 16 февраля 1950 г., 30 декабря 1951 г., 23 июня, 10 августа и 11 сентября 1952 г., 29 июля 1953 г.: «Как Ваши дела денежные и любовные? Буду ждать обстоятельного отчета насчет всего»; «Здесь <в Оксфорде. – О. Д.> пейзажи first class. Но недоступные. Боюсь при покушении быть высланным по этапу»;

присущем Адамовичу чувстве слова, ритма, интонации и меры, из которых и складываются стиль и тон его свободного доверительного эпистолярного общения с Бахрахом, который сам Адамович сопоставлял с пушкинским¹¹⁸.

Последнее письмо Бахраху написано в Ницце 19 февраля 1972 г., после возвращения из Америки, где Адамович провел без малого три месяца¹¹⁹. В письме он спрашивает, был ли Бахрах на похоронах Б. К. Зайцева¹²⁰, сообщает о том, что «Лифарь бросил балет и стал художником – и весной будет его выставка», и называет срок своего предполагаемого возвращения в Париж: «к 1 марта», даже не добавив своих излюбленных оговорок «е. б. ж.» и «sauf imprévu». Однако вернуться не удалось: 21 февраля Адамович умер после второго инфаркта.

«Веселитесь со шведками и финками, но приезжайте скорей в Париж. <...> Слышал, что Вы привозите какого то чухонца, который будет жить с Вами в одной комнате. Что это? Андрюша? Я финнов и вообще северян обожаю, и за одного белобрысого чухну отдам весь французский флот»; «Вот бы мне поглядеть на олимп<ийские> игры, верно, лучше, чем place Blanche!» (Финляндия, где в это время находился Бахрах, готовилась принять Олимпийские игры, прошедшие в Хельсинки с 19 июля по 3 августа 1952 г. – О. Д.); «Вчера сюда прибыл Корнфельд, которого я (по глупости) поселил в той же квартире, где и я. Но он специалист по педерастическим развлечениям, т<ак> что м<ожет> б<ыть> глупость моя, и будет вознаграждена»; «О Маковском мне сообщили, что он мной возмущен: я будто бы хвалил Чиннова потому, чтобы заставить его мне “отдаться”! <...> Я на крайность предпочел бы самого Сергея Константиновича»; «В заключение хочу Вам сообщить анекдот, дошедший до меня из Парижа. Мне очень нравится. Старый русский столяр ищет работу. Его рекомендуют французской даме. Он возвращается расстроенный. “Ну, что, сговорились?” – “Да нет, не подошло... Она сразу спрашивает: “c’est vous l’ébéniste?” Ну, какой же я в 70 лет ебенист!».

Корнфельд Михаил Генрихович – журналист, издатель, в 1910-е гг. издавал петербургский журнал «Сатирикон», в 1931 г. вместе с Л. Г. Мунштейном (Лоло) на несколько месяцев возродил его в Париже (т. н. третий «Сатирикон»; о нем см., напр., Демидова 1999).

¹¹⁸ См. его письмо от 11 декабря 1952 г.: «Ах, cher ami, я по привычке пишу в глупом (но по традиции – пушкински-эпистолярном) тоне».

¹¹⁹ См. его письма из Нью-Йорка от 18 сентября, 28 октября, 18 ноября и 7 декабря 1971 г.

¹²⁰ Зайцев скончался 22 января 1972 г.

АРХИВЫ

BAR. Coll. Adamovich.

BAR. Coll. Aldanov. Box 1.

BAR. Coll. Bacherac. Box 1: Adamovich.

BAR. Coll. Bacherac. Box 5: Tsvibak.

BAR. Coll. A. A. Poliakov. Box 1. Adamovich. Folders 1–18.

BAR. Ms Coll. Yanovsky. Box 1. Folder 1: Adamovich.

БИБЛИОГРАФИЯ

Адамович Г. 1946. Смерть и время. – Русский сборник. Париж: Подорожник. С. 171–182.

Адамович Г. 1958. Наши поэты: 1. Георгий Иванов. – Новый журнал. № 52. С. 55–62.

Адамович Г. 1959. Василий Алексеевич Маклаков: Политик, юрист, человек. Париж: Издание друзей В. А. Маклакова.

Адамович Г. 1961a. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. Париж: [б. и.]

Адамович Г. 1961b. Толстой. Париж: Imprimerie de Navarre.

Адамович Г. 1966. Об Александре Гингере. – Мосты. № 12. С. 266–268.

Адамович Г. 1967a. Единство: Стихи разных лет. Нью-Йорк: Русская книга.

Адамович Г. 1967b. О книгах и авторах. Заметки из литературного дневника. Париж: [б. и.]

Адамович Г. 1996. Одиночество и свобода / Сост., автор предисловия и примечаний В. Крейд. М.: Республика.

Адамович Г. В. 1998. Собр. соч.: Литературные беседы / Вступительная ст., сост. и примечания О. А. Коростелева. Кн. 1–2. СПб.: Алетейя.

Адамович Г. В. 1999. Собр. соч.: Стихи, проза, переводы / Вступительная ст., сост. и примечания О. А. Коростелева. СПб.: Алетейя.

Адамович Г. 2000. Письма Василию Яновскому. Письма Роману Гринбергу / Публикация В. Крейда. – Новый журнал. № 218. С. 121–151.

Адамович Г. В. 2000. Собр. соч.: Комментарии / Сост., послесловие и примечания О. А. Коростелева. СПб.: Алетейя.

Адамович Г. В. 2002. Собр. соч.: Одиночество и свобода / Сост., послесловие и примечания О. А. Коростелева. СПб.: Алетейя.

Бабореко А. К. 1956. Из переписки И. А. Бунина / Публикация и примечания А. К. Бабореко. – Новый мир. № 10. С. 197–211.

- Бальмонт К. Д. 1911. Предисловие к третьему изданию. – Собр. соч. Эдгара По / В пер. с английского К. Д. Бальмонта. Изд. 3-е, переработанное. Т. 1. М.: Скорпион. С. VII–VIII.
- Белобровцева И. З. 2020. Леонид Зуров: В тени Бунина. М.: Азбуковник.
- Берберова Н. Н. 1996. Курсив мой: Автобиография / Вступительная ст. Е. В. Витковского; комментарии В. П. Кочетова, Г. И. Мосешвили. М.: Согласие.
- Берберова Н. Н. 1997. Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. М.; Харьков: Прогресс-Традиция; Калейдоскоп.
- Богомолов Н. А. 2002. Письма Г. В. Адамовича к З. Н. Гиппиус: 1925–1931 / Подготовка текста, вступительная ст. и комментарии Н. А. Богомолова. – Диаспора: Новые материалы. Вып. 3. Париж; СПб.: Athenaeum; Феникс. С. 435–535.
- Бодлер Ш. 1910. Эдгар По: Жизнь и творчество. Одесса: Тип. Н. Гальперина.
- Будницкий О. В. 1999. Дело Нины Берберовой. – Новое литературное обозрение. № 39. С. 141–173.
- Вагнер Р. 1900. Валькирия: Опера в 3-х актах / Музыка Рихарда Вагнера; перевод И. Тюменева. 2-е изд. М.: Музыкальная торговля П. Юргенсона.
- Винокурова И. 2014. «Камер-фурьерский журнал» Нины Берберовой. – Звезда. № 8. С. 200–214.
- Винокурова И. 2019. Неоконченные споры. Еще раз о «деле» Нины Берберовой. – Звезда. № 8. С. 162–176.
- Гингер А. 1965. Сердце. Париж: Рифма.
- Гроссман Дж. Д. 1998. Эдгар По в России: Легенда и литературное влияние. СПб.: Академический проект.
- Демидова О. Р. 1999. К истории третьего «Сатирикона» (Материалы из архива Дон-Аминадо). – Вестник Удмуртского университета. Специальный вып. С. 161–171.
- Демидова О. Р. 2000. Еще раз о маске: Образ автора в письмах Георгия Адамовича. – Потаенная литература: Исследования и материалы. Вып. 2. Иваново: Ивановский государственный университет. С. 153–162.
- Демидова О. Р. 2003. Мы: Женская проза русской эмиграции / Сост. О. Р. Демидова. СПб.: РХГИ, 2003.
- Демидова О. Р. 2006. Письма Георгия Адамовича Лидии Червинской / Подготовка текста и публикация О. Р. Демидовой. – Вестник Крымских литературных чтений. Вып. 3. С. 110–138.

- Демидова О. Р. 2015. Изгнание как послание: Эстетизм и этос русской эмиграции. СПб.: Русская культура.
- Демидова О. Р. Георгий Адамович: От «Русских новостей» к «Русской мысли» (в печати).
- Иванов Г. 1930. <Рец. на:> В. Сирин. «Машенька», «Король, дама, валет». «Защита Лужина», «Возвращение Чорба». – Числа. № 1. С. 233–236.
- Ковчег 1942. Ковчег: Сборник русской зарубежной литературы. Нью-Йорк: Association of Russian Writers in New York.
- Коростелев О. А. 1997. Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. Письма Г. Адамовича И. Одоевцевой и Г. Иванову (1955–1958) / Публикация О. А. Коростелева. – Минувшее: Исторический альманах. Вып. 21. М.; СПб.: Athenaeum; Феникс. С. 391–501.
- Коростелев О. А. 2000. Два полюса одной литературы: Марина Цветаева и Георгий Адамович: Хроника противостояния. М.: Дом-музей Марины Цветаевой.
- Коростелев О. А. 2013. От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб.: Издательство им. Н. И. Новикова; Издательский дом «Галина скрипит».
- Коростелев О., Дэвис Р. 2004. Переписка И. А. и В. Н. Буниных с Г. В. Адамовичем (1926–1961) / Публикация О. Коростелева и Р. Дэвиса. – И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. I. М.: Русский путь. С. 8–164.
- Крайни<й> А. [З. Н. Гиппиус] 1930. Литературные размышления. – Числа. № 2–3. С. 148–154.
- Крейд В. 1994. Письма Георгия Адамовича / Публикация и примечания В. Крейда. – Новый журнал. № 194. С. 257–319.
- Крейд В. и Крейд В. 1999а. Письма Георгия Адамовича / Публикация В. Крейда и В. Крейд. – Новый журнал. № 216. С. 98–146.
- Крейд В. и Крейд В. 1999б. Письма Георгия Адамовича / Публикация В. Крейда и В. Крейд. – Новый журнал. № 217. С. 41–82.
- Крейд В. и Крейд В. 2000. Георгий Адамович: Письма Василию Яновскому. Письма Роману Гринбергу / Публикация и примечания В. Крейда и В. Крейд. – Новый журнал. № 218. С. 121–151.
- Крейд В. 2001а. Георгий Адамович: Письма А. В. Бахраху: 1954–1956 / Публикация В. Крейд. – Новый журнал. № 224. С. 70–98.
- Крейд В. 2001б. Георгий Адамович: Письма А. В. Бахраху (1957–1965) / Публикация В. Крейд. – Новый журнал. № 225. С. 148–185.

- Крейд В. 2002. Георгий Адамович: Письма А. В. Бахраху (1966–1968) / Публикация В. Крейд. – Новый журнал. № 228. С. 151–191.
- Крейд В. 2003. Георгий Адамович: Письма А. В. Бахраху (1969–1972) / Публикация В. Крейд. – Новый журнал. № 230. С. 130–155.
- Ливак Л. 2001. Материалы к биографии Юрия Фельзена. – *From the Other Shore: Russian Writers Abroad: Past and Present*. Vol. 1. С. 47–70.
- Маковский С. К. 1955. Портреты современников. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова.
- Маковский С. К. 1962. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен: Издательство ЦОПЭ.
- Малмстад Дж. 1991. Из переписки В. Ф. Ходасевича / Публикация Дж. Малмстада. – *Минувшее: Исторический альманах*. Вып. 3. М.: Прогресс; Феникс. С. 277–291.
- Мельников Н. 1996. «До последней капли чернил...»: Набоков и «Числа». – *Литературное обозрение*. № 2. С. 72–82.
- Набоков В. Стихи. Анн Арбор / *Ann Arbor*: Ардис / *Ardis*, 1979.
- Перс С.-Ж. Анабазис / Пер. Георгия Адамовича и Георгия Иванова. Париж: Издательство Я. Е. Поволоцкого.
- Саакянц А. 1997. Марина Цветаева: Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак.
- Тодд III У. М. 1994. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. СПб.: Академический проект.
- Фридрих М. 1964. «Евгений Онегин» в переводе Набокова. – *Новый журнал*. № 77. С. 297–300.
- Цветаева М. И. 1995. Собр. соч.: В 7-ми тт. Т. 6: Письма. М.: Эллис Лак.
- Чуковская Л. 1997. Записки об Анне Ахматовой: В 3-х тт. Т. 3. М.: Согласие.
- Яновский В. С. 1983. Поля Елисейские: Книга памяти. Нью-Йорк: Серебряный век.
- Яхнина Ю. s. a. Три Камю. – <http://www.vavilon.ru/noragal/yahnina.html>
- Adamovitch, G. 1947. *L'Autre patrie*. Paris: Egloff.
- Adamovitch, G. 1971. *Une mise en garde : á propos d'un entretien*. – *Soljénitsyne / Dirigé par Georges Nivat et Michel Aucouturier*. Paris : Éditions de l'Herne. P. 412–416.
- Frank, S. 2018. A Scandal in Letters: Nina Berberova and the Nazi Occupation of France. – *The Russian Review*. Vol. 77. No 4. P. 602–620.

- Hagglund, R. 1985a. *Georgy Adamovich: An Annotated Bibliography – Criticism, Poetry and Prose, 1915–1980* / Roger Hagglund, Comp. Ann Arbor: Ardis.
- Hagglund, R. 1985b. *A Vision of Unity: Adamovich in Exile*. Ann Arbor: Ardis.
- Vinaver, E. 1951. *Racine et la poésie tragique : essai*. Paris: Librairie Nizet.

REFERENCES

- Adamovich, G. “Smert’ i vremia.” In *Russkii sbornik*, 171–82. Paris: Podorozhnik, 1946.
- . “Nashi poety: 1. Georgii Ivanov.” *Novyi zhurnal* 52 (1958): 55–62.
- . *Vasilii Alekseevich Maklakov: Politik, iurist, chelovek*. Paris: Izdanie družei V. A. Maklakova, 1959.
- . *Vklad russkoi emigratsii v mirovuiu kul’turu*. Paris: n. p., 1961.
- . *Tolstoi*. Paris: Imprimerie de Navarre, 1961.
- . “Ob Aleksandre Gingere.” *Mosty* 12 (1966): 266–68.
- . *Edinstvo: Stikhi raznykh let*. New York: Russkaia kniga, 1967.
- . *O knigakh i avtorakh. Zametki iz literaturnogo dnevnika*. Paris: n. p., 1967.
- . *Odinchestvo i svoboda*. Edited, prefaced and annotated by V. Kreid. Moscow: Respublika, 1996.
- . *Sobranie sochinenii: Literaturnye besedy*. Edited, prefaced and annotated by O. A. Korostelev. 2 vols. Saint-Petersburg: Aletheia, 1998.
- . *Sobranie sochinenii: Stikhi, proza, perevody*. Edited, prefaced and annotated by O. A. Korostelev. Saint-Petersburg: Aletheia, 1999.
- . “Pis’ma Vasiliuu Ianovskomu. Pis’ma Romanu Grinbergu.” Published by Vadim Kreyd. *Novyi zhurnal* 218 (2000): 121–51.
- . *Sobranie sochinenii: Kommentarii*. Edited and annotated by O. A. Korostelev. Saint-Petersburg: Aletheia, 2000.
- . *Sobranie sochinenii: Odinochestvo i svoboda*. Edited and annotated by O. A. Korostelev. Saint-Petersburg: Aletheia, 2002.
- Adamovitch, G. *L’Autre patrie*. Paris: Egloff, 1947.
- . “Une mise en garde: à propos d’un entretien.” In *Soljénitsyne*. Edited by Georges Nivat and Michel Aucouturier, 412–16. Paris: Éditions de l’Herne, 1971.
- Baboreko, A. K. “Iz perepiski I. A. Bunina.” Published and annotated by A. K. Baboreko. *Novyi mir* 10 (1956): 197–211.

- Bal'mont, K. D. "Predislovie k tret'emu izdaniuu." In *Sobranie sochinenii*, by Edgar Allan Poe. Translated from the English by K. D. Bal'mont. 3rd rev. ed. Vol. 1, VII–VIII. Moscow: Skorpion, 1911.
- Belobrovtseva, I. Z. *Leonid Zurov: V teni Bunina*. Moscow: Azbukovnik, 2020.
- Berberova, N. N. *Kursiv moi: Avtobiografiia*. Prefaced by E. V. Vitkovskii, annotated by V. P. Kochetova and G. I. Moseshvili. Moscow: Soglasie, 1996.
- . *Liudi i lozhi: Russkie masony XX stoletii*. Moscow and Kharkiv: Progress-Traditsiia; Kaleidoskop, 1997.
- Bogomolov, N. A. "Pis'ma G. V. Adamovicha k Z. N. Gippius: 1925–1931." Edited, prefaced and annotated by N. A. Bogomolov. In *Diaspora: Novye materialy*. Vol. 3, 435–535. Paris and Saint-Petersburg: Athenaemum; Feniks, 2002.
- Baudelaire, Ch. *Edgar Poe: Zhizn' i tvorchestvo*. Odessa: Tip. N. Gal'perina, 1910.
- Budnitskii, O. V. "Delo Niny Berberovoi." *Novoe literaturnoe obozrenie* 39 (1999): 141–73.
- Chukovskaia, L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi*. 3 vols. Vol. 3. Moscow: Soglasie, 1997.
- Demidova, O. R. "Pis'ma Georgiia Adamovicha Lidii Chervinskoi." Published and edited by O. R. Demidova. *Vestnik Krymskikh literaturnykh chtenii* 3 (2006): 110–38.
- . "K istorii tret'ego 'Satirikona' (Materialy iz arkhiva Don-Aminado)." Special issue, *Vestnik Udmurtskogo universiteta* (1999): 161–71.
- . "Eshche raz o maske: Obraz avtora v pis'makh Georgiia Adamovicha." In *Potaennaia literatura: Issledovaniia i materialy*. Vol. 2, 153–62. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 2000.
- . *My: Zhenskaia proza russkoi emigratsii*. Edited by O. R. Demidova. Saint-Petersburg: RKhGI, 2003.
- . *Izgnan'e kak poslan'e: Esthesis i ethos russkoi emigratsii*. Saint-Petersburg: Russkaia kul'tura, 2015.
- . "Georgii Adamovich: Ot 'Russkikh novostei' k 'Russkoi mysli.'" (forthcoming)
- Frank, S. "A Scandal in Letters: Nina Berberova and the Nazi Occupation of France." *The Russian Review* 77, no. 4 (2018): 602–20.
- Fridberg, M. "'Evgenii Onegin' v perevode Nabokova." *Novyi zhurnal* 77 (1964): 297–300.
- Ginger, A. *Serditse*. Paris: Rifma, 1965.
- Grossman, J. D. *Edgar Poe v Rossii: Legenda i literaturnoe vliianie*. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 1998.

- Ianovskii, V. S. *Polia Eliseiskie: Kniga pamiati*. New York: Serebrianyi vek, 1983.
- Iakhnina, Iu. "Tri Camus." Accessed November 20, 2021. <http://www.vavilon.ru/noragal/yahnina.html>
- Ivanov G. Review of V. *Mashen'ka, Korol', dama, valet, Zashchita Luzhina* and *Vozvrashchenie Chorba*, by V. Sirin [V. Nabokov, pseud.]. *Chisla* 1 (1930): 233–36.
- Hagglund, R. *A Vision of Unity: Adamovich in Exile*. Ann Arbor: Ardis, 1985.
- Hagglund, R., comp. *Georgiy Adamovich: An Annotated Bibliography–Criticism, Poetry and Prose, 1915–1980*. Ann Arbor: Ardis, 1985.
- Korostelev, O. A. "Epizod sorokapiatiletnei družhby-vrazhdy. Pis'ma G. Adamovicha I. Odoevtsevoi i G. Ivanovu (1955–1958)." Published by O. A. Korostelev. In *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh*. Vol. 21, 391–501. Moscow; Saint-Petersburg: Athenaem; Feniks, 1997.
- . *Dva poliusa odnoi literatury: Marina Tsvetaeva i Georgii Adamovich: Khronika protivostoianiiia*. Moscow: Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi, 2000.
- . *Ot Adamovicha do Tsvetaevoi: Literatura, kritika, pechat' Russkogo zarubezh'ia*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo im. N. I. Novikova; Izdatel'skii dom "Galina skripsit," 2013.
- Korostelev, O. and R. Davies. "Perepiska I. A. i V. N. Buninykh s G. V. Adamovichem (1926–1961)." Published by O. Korostelev and R. Davies. In *I. A. Bunin: Novye materialy*. Vol. 1, 8–164. Moscow: Russkii put', 2004.
- Kovcheg: Sbornik russkoi zarubezhnoi literatury*. New York: Association of Russian Writers in New York, 1942.
- Krainii, A. [Z. N. Gippius, pseud.]. "Literaturnye razmyshleniia." *Chisla* 2–3 (1930): 148–54.
- Kreyd, V. "Pis'ma Georgiia Adamovicha." Published and annotated by Vadim Kreyd. *Novyi zhurnal* 194 (1994): 257–319.
- Kreyd, V. "Georgii Adamovich: Pis'ma A. V. Bakhrakhu: 1954–1956." Published by Vera Kreyd. *Novyi zhurnal* 224 (2001): 70–98.
- . "Georgii Adamovich: Pis'ma A. V. Bakhrakhu (1957–1965)." Published by Vera Kreyd. *Novyi zhurnal* 225 (2001): 148–75.
- . "Georgii Adamovich: Pis'ma A. V. Bakhrakhu (1966–1968)." Published by Vera Kreyd. *Novyi zhurnal* 228 (2002): 151–91.
- . "Georgii Adamovich: Pis'ma A. V. Bakhrakhu (1969–1972)." Published by Vera Kreyd. *Novyi zhurnal* 230 (2003): 130–55.
- Kreyd, V. and V. Kreyd. "Pis'ma Georgiia Adamovicha." Published and annotated by Vadim and Vera Kreyd. *Novyi zhurnal* 216 (1999): 98–146.

- . “Pis'ma Georgiia Adamovicha.” Published and annotated by Vadim and Vera Kreyd. – *Novyi zhurnal* 217 (1999): 41–82.
- . “Georgii Adamovich. Pis'ma Vasiliuu Ianovskomu. Pis'ma Romanu Grinbergu.” Published and annotated by Vadim and Vera Kreyd. *Novyi zhurnal* 218 (2000) 121–151.
- Livak, L. “Materialy k biografii Iuriiia Fel'zena.” *From the Other Shore: Russian Writers Abroad: Past and Present* 1 (2001): 47–70.
- Makovskii, S. K. *Portrety sovremennikov*. New York: Izdatel'stvo im. Chekhova, 1955.
- . *Na Parnase “Serebriianogo veka”*. Munich: Izdatel'stvo TsOPE, 1962.
- Malmstad, J. “Iz perepiski V. F. Khodasevicha.” Published by J. Malmstad. In *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh*. Vol. 3, 277–91. Moscow: Progress; Feniks, 1991.
- Mel'nikov N. “Do poslednei kapli chernil...”: Nabokov i ‘Chisla.’” *Literaturnoe obozrenie* 2 (1996): 72–82.
- Nabokov, V. *Stikhi*. Ann Arbor: Ardis, 1979.
- Perse, St-J. *Anabasis*. Translated from the French by G. Adamovich and G. Ivanov. Paris: Izdatel'stvo Ia. E. Povolotskogo.
- Saakiant, A. *Marina Tsvetaeva: Zhizn' i tvorchestvo*. Moscow: Ellis Lak, 1997.
- Todd III, W. M. *Druzheskoe pis'mo kak literaturnyi zhanr v pushkinskuiu epokhu*. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 1994.
- Tsvetaeva, M. I. *Sobranie sochinenii*. 7 vols. Vol. 6, *Pis'ma*. Moscow: Ellis Lak, 1995.
- Vinaver, E. *Racine et la poésie tragique: essai*. Paris: Librairie Nizet, 1951.
- Vinokurova, I. “Kamer-fur'erskii zhurnal' Niny Berberovoi.” *Zvezda* 8 (2014): 200–14.
- . “Neokonchennye spory: Eshcho raz o ‘dele’ Niny Berberovoi.” *Zvezda* (2019): 162–176.
- Wagner, R. *Val'kiriia: Opera v 3-kh aktakh*. Music by Richard Wagner, [libretto] translated by I. Tiumentev. 2nd ed. Moscow: Muzykal'naia torgovlia P. Iurgensona, 1900.